

The book cover features a stylized illustration of a person on horseback silhouetted against a bright orange-red sky. The sun is a large, pale yellow circle in the upper left, and its reflection is visible in the water below. The horse and rider are also reflected in the water. The overall composition is minimalist and evocative.

Алексей Балакаев

**ЛЕГЕНДА
О ЗЕМЛЕ**

Д

Цена 33 коп.

Алексей Балакаев

ЛЕГЕНДА О ЗЕМЛЕ

ПОВЕСТЬ

Перевёл
с калмыцкого
А. Емельянов

Издательство
"Детская
литература"
МОСКВА · 1970

Герои повести известного калмыцкого писателя А. Балакаева — братья-близнецы, школьники Бамба и Бембя. И хотя они похожи друг на друга, но характеры у них разные. Бамба — любознателен, трудолюбив и бесхитроустен, а Бембя — капризен, эгоистичен и ленив.

Узнав о том, что в Харбулукской степи, в урочище Гатан Сала, богач Шонтаев много лет назад зарыл родник, а с ним, по рассказам, спрятал и золото, братья теряют покой. Но один из них, Бамба, ищет родник, воду, очень нужную колхозу, а другой, Бембя, пытается найти золото.

Приключения, пережитые Бембей, на многое открывают ему глаза, заставляют его понять, что значит подлинное богатство.

Повесть А. Балакаева отличают острый сюжет, живые характеры героев, красочные описания калмыцкой степи, быта чабанов.

Р и с у н к и Г. ЮМАГУЗИНА

ЗАПЕВ

Мой юный друг! Слышал ли ты когда-нибудь о чудесной стране Бумба? Не слышал? Хочешь, я расскажу тебе о ней? А сначала послушай, что помянут о стране Бумба джангарчи-сказители. Вот о чём поют они:

Счастье и мир поселились в этой стране,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкоголосые и соловьи,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная, богатырей страна.

Вот какая чудесная эта земля! Её ещё называют страной бессмертия, потому что людям, которые живут там, неизвестна старость. В той стране все молоды, все счастливы.

Я вижу, мой юный друг, что ты задумался, и заранее угадываю твой вопрос: «А где находится та чудесная страна? В каком краю её искать?» Пусть за меня другой песней опять ответят тебе джангарчи-сказители. Они от души споют тебе о том, что

Тысячам тысяч счастливых людей
Тесен был простор степной —
В пятимесячный путь длиной,
В мужскую ладонь шириной.
Высилась Лысая там гора,
Видимая издалека.
Там океан Ергён Шартыг,
Подобно синему кругу, лежал,
И долгие сотни лет к нему
За счастьем калмык бежал.

И вот он нашёл свою страну,
Бумбой её назвал.
Была она счастьем равна в длину,
И ширью — в солнечный зал.

И опять, мой юный друг, ты, должно быть, удивишься и воскликнешь:

— До чего же велика и прекрасна, видно, та страна, если длина её измеряется счастьем, а ширина — солнцем! Расскажите о ней!

Я исполню твою просьбу, мой юный друг. Я расскажу тебе об этой стране. Но сначала я несколько слов скажу о твоём сверстнике, твоём ровеснике — степняке-калмыке, который тоже когда-то много бродил по белу свету и всё искал счастливую страну. Он встречал многих людей и просил их:

«Люди, покажите мне дорогу к Лысой горе и океану Ерген Шартыг! Покажите, и я скажу вам спасибо».

Но люди только улыбались ему в ответ — они сами не знали дороги к той стране. А калмык всё искал и искал. И нашёл...

Страна та лежала под синим-синим небом, на зелёной траве-мураве. Её окружали со всех сторон другие такие же прекрасные земли, и имя всем вместе было — Страна Советов. Населяли её многие народы, и жили все они в мире и радости. Но для калмыка страна Бумба была красивее и дороже всех, потому что это была его страна, его родина, о которой он мечтал веками. Он нашёл её и теперь уже никогда не расстанется с нею. И стали люди с той поры называть Калмыкию другим именем — страню Бумба. И если тебе, мой юный друг, доведётся когда-нибудь приехать в славный Волгоград, то знай, что совсем рядом с ним находится и страна Бумба. А на западе её омывает Тихий Дон. Он своими водами питает земли и поля счастливой Бумбы. Вместе с великой Волгой они заключили Бумбу в свои объятия и лелеют её покой и радость.

А теперь я познакомлю тебя с двумя мальчишками, которые стали героями этой книги.

Они разные по характерам и поступкам, но оба хорошие, в общем-то, ребята.

А зовут их Бамбá и Бембá.

БЛИЗНЕЦЫ

Они — братья-близнецы. Отличить их друг от друга трудно. Но если присмотреться поближе...

Бамба и Бембя часто спорят.

— Я старше тебя, — говорит Бамба.

— Нет, я! — уверяет Бембя.

— Нет, я старше!

— Нет, я...

Кажется, вот-вот вспыхнет ссора. Но тут, как всегда, вмешивается мать. Она присаживается к сыновьям и говорит ласково:

— Бембя прав — он родился первым.

У Бамбы от досады на глазах слёзы. Ещё минута — и они польются по его лицу градом. Однако этого не происходит. Бабушка, до сих пор молчаливо сидевшая в углу, тихо говорит:

— Нет, первым родился Бамба. Мне-то об этом лучше знать...

Ох уж эта бабушка! Теперь слёзы выступают на гла-

зах Бемби. Он уже хлюпает носом, сердито косится на бабушку. И тут не выдерживает отец. Подмигнув жене, Болхё, он серьёзно говорит:

— Не спорьте, вы родились вместе. Это я знаю точно. Потому вы и похожи так друг на друга.

Бамба и Бембя удивлённо таращат на отца глаза. Им не верится, что они так уж похожи, но отцу надо верить, он никогда не обманывает. И они смеются. А потом, схватившись за руки, убегают играть на улицу.

Болха, мать близнецов, — высокая и красивая. Сыновья удались в неё.

А бабушка у них очень добрая и ласковая. Но — слепая. Впрочем, дома её слепоты никто не замечает — она делает всё так же, как и зрячие, даже ещё лучше: вяжет, готовит обед, ухаживает за скотиной, собирает в поле кизяк...

— У вашей бабушки золотая душа, — говорит о ней Болха.

Братья задумываются. Они не понимают: как это у их бабушки может быть золотая душа? И первым не выдерживает Бембя:

— Почему золотая? Это чтобы она не болела, да?

Бамба в свою очередь задаёт вопрос:

— Мам, а душа у бабушки изнутри золотая или сверху?

Мать гладит их стриженные макушки:

— Глупенькие вы ещё. Если у человека душа золотая, то, значит, человек этот очень хороший. Когда так про вас говорить будут, радуйтесь: значит, добро вы сделали людям.

Бамба, кажется, что-то понял, замолчал, но Бембя не успокаивается:

— А почему она золотая, а не железная?

Мать разъясняет:

— Железная — это тоже хорошо. Если о человеке говорят, что душа у него железная, значит, этот человек очень крепкий и стойкий, его не сломит никакая беда. Плохо, когда у человека совсем души нет. О таком говорят, что он бездушный, плохой.

— А почему у плохих людей не бывает души? Ведь без души они умереть могут...

Мать только машет рукой. По опыту прежних бесед она знает, что дальше вести разговор бесполезно.

— Я лучше вам сказку расскажу,— говорит она.

— Про золото?

— Можно и про золото.

Бембя — весь внимание. Он очень любит сказку про золото и, хотя мать уже много раз рассказывала её, охотно соглашается послушать ещё. Но не выдерживает и задаёт очередной вопрос:

— Мам, а золото и на земле бывает?

— Бывает.

— А как его найти?

Мама тянет руку к его голове.

— Земля наша, сынок, большая, богатая, золота в ней много-премного, но искать его очень трудно. И тот, кто находит золото,— счастливый человек.

— Мам, а золото — самое-самое дорогое на свете, да? Это спрашивает Бамба.

Мать отвечает:

— Нет, сынок, самое дорогое на земле — это люди. Хорошие люди...

— А плохие?

— Плохие — нет, они мешают хорошим.

— А как мешают?

— Ну... завидуют хорошим, досаждают им чем только могут.

— А почему они завидуют?

Мать объясняет:

— Хороший человек творит на земле добро, живёт не для себя, а для всех людей. А плохой живёт только для себя, поэтому он и становится злым, жадным, завистливым.

Бамба слушает её и соглашается. А Бембя многого не понимает. Да и люди-то интересуют его меньше всего: он думает о золоте. Он ни разу в жизни не видел золота. Как бы его найти? Если б он нашёл много золота, тогда он бы стал лучше Бамбы, его бы все хвалили и уважали. Не зря ведь бабушка говорила, что золото делает людей сильными и счастливыми. Вот бы ему найти золото! Кусочек! Он бы... Он бы купил конфеты, пряники, нож складной, велосипед!.. И Бембя снова пристаёт то к маме, то к бабушке:

— Мам, а на золото можно конфет купить?

— Можно, конечно!

— Бабунь, а из золота дома строят?

— Богатые люди строят, бедные — нет.

Однажды бабушка решила рассказать внукам о золоте не сказку, а было...

ЗОЛОТО

— Когда я была маленькая, — начала бабушка, — с нами рядом жили старик со старухой. Бедно жили. И был у них один-единственный сын. Звали его Хавал. Они его любили, но очень баловали. И вырос он у них нехорошим человеком.

— Почему нехорошим? — спросил Бембя.

— А ты слушай и думай сам.

Бембя умолк, а бабушка продолжала рассказывать:

— Так вот, однажды, продав единственную корову, последнее, что было в их хозяйстве, купили они сыну молодого коня. Хавал подарку очень обрадовался. С утра до вечера разъезжал он на своём коне и иногда не приезжал даже ночевать домой. А старики его батрачили у богача Шонтаева Джалджй. Отец пас табун, мать доила коров. Весь свой заработок старики отдавали любимому сыну.

Но Хавал до того стал жаден, что ему всё было мало и мало, и он требовал:

«Почему сегодня в будане¹ мясо на донышке?»

«Нету, сынок, у нас больше овечек... Последнюю зарезали неделю назад».

«Почему у меня нет хорошей одежды?»

«Денег нет на одежду, сынок».

Мать старалась всё сделать для сына. Она готова была работать день и ночь, лишь бы Хавал остался доволен, и от непосильной работы и переживаний похудела и сторбилась. Не выдержал и отец. Заболел он, руки и ноги ослабли, и хозяин Шонтаев прогнал старика с работы.

И вот, когда им совсем уже было худо и они пригото-

---

¹ Б у д а н — мясная похлёбка.

лись к смерти, прискакал на своём коне из степи Хавал. Он гордо вошёл в кош и радостно сообщил, что нашёл несметный клад и теперь они заживут богато...

Бембя услышал слово «клад», и у него даже глаза загорелись.

— Бабушка, а клад — это золото, да?

— Несметный клад — это огромное богатство, — объяснила бабушка. — И посылает его бедным людям сам господь бог за их муки и страдания. — И, чтобы избежать новых вопросов, продолжала торопливо: — Так вот, разбогатели старики на удивление всем! Поставили они себе большую, светлую, тёплую кибитку, завели много скота и вскоре забыли о недавней нужде...

— А отчего они разбогатели? — так и не понял Бамба.

— От золота, — ответила бабушка. — От того клада. Золото, деньги и принесли им богатство.

— А дальше что?.. — тормозил бабушку Бембя. — Что они делали потом, когда стали богатыми?

Бабушка вздохнула:

— Недолго длилось их счастье, внучек. Оказывается, золото-то Хавал не нашёл, а украл.

— Он был вором? — спросил Бамба.

— Да, вором, — кивнула бабушка.

— Ну дальше, дальше! — торопил Бембя.

— Дальше Хавала арестовали и угнали далеко-далеко, на каторгу. Старики опять стали бедными, заболели от горя и умерли...

Бембе и Бамбе стало страшно. Они не знали ещё, что такое каторга, но поняли, что это очень плохо. А ещё им жалко было стариков.

После бабушкиного рассказа они ходили тихие, молчаливые. Оказывается, золото приносит людям не только радость, но и горе. А Бембе очень хотелось пряников. Много пряников. Целый ящик! Он сидел бы день и ночь в углу и ел бы их, ел без конца. Но где их взять? Бабушка говорит, что найти золото очень трудно, а того, кто украдёт его, постигнет беда.

Потом бабушка позвала их обедать, и вскоре оба брата забыли о бабушкином рассказе. Они опять бегали по двору, играли и смеялись. А когда мама угостила их пряниками и конфетами, совсем стали счастливыми.

СБОР КИЗЯКА

Кизяк у калмыков — первое топливо. Без кизяка в степи очень плохо. Бембя и Бамба знают это. Они даже знают, как готовят кизяк. Навоз в кошарах, где находятся овцы, летом высыхает, и тогда его лопатами разрезают на квадраты, сушат на солнце, и получаются кирпичи. Горят они не хуже угля. От них много тепла. Особенно хорошо топить кизяком зимой, когда на дворе трещит мороз, а в кибитке теплым-тепло.

Летом кизяк собирают в степи. Женщины закинут за спину мешок и ходят по степи с утра до вечера, пока не наберут полные мешки.

Однажды Болха сказала:

— Бамба и Бембя, берите мешки и идите собирать кизяки.

Бамба обрадовался:

— Вот здорово, я полный мешок наберу!

А Бембя вдруг захныкал:

— Не хочу в степь, у меня живот болит, — и ничком повалился на кровать.

Мать подошла к нему, потрогала ладонью живот, нахмурилась.

— Бедненький мой... Говорила тебе — не пей столько сырого молока. Полежи, я тебе сейчас грелку сделаю.

Вместо Бемби в степь пошла слепая бабушка. И только она ушла, как Бембе стало лучше. Он соскочил с кровати и подбежал к маме.

— Вот какая добрая у нас бабушка! — воскликнул он. — Я, когда вырасту, обязательно палку ей хорошую сделаю!

А в это время Бамба и бабушка шли по степи. Бамба держал бабушку за руку, смотрел по сторонам и говорил:

— Ты ничего не видишь, бабушка. Как же ты кизяки собирать будешь?

— Наберу, миленький, моя палка всё видит, она у меня волшебная. — И нагнулась: — Вот и нашла уже. Видишь, какой большой!..

Бамба остановился, посмотрел под ноги — палка бабушки действительно уткнулась в кизяк.

— Я собирать кизяки, — продолжала бабушка, — с дет-

ства приучена. И ты тоже скоро научишься.— Она отпустила руку Бамбы и пошла одна. Шла она широко и смело.

Бамба догнал её и зашагал рядом. Они шли по горячей и сухой степи, и Бамба всё чаще и чаще находил кизяки. Скоро он так увлёкся, что не заметил, как далеко ушёл от бабушки. «Как же она одна?» — успел только подумать он и вдруг услышал её голос. Бабушка пела. Ему не знакома была эта красивая, чуть грустноватая песня.

Трубка с серебряным чубуком,
Конь копытами стучит...
Гордую девушку Ембяшку
За ледяные горы увозят...

Бамба поднял голову и стал слушать. Хорошо поёт бабушка! Будто о себе поёт. Хорошая, добрая бабушка! Вот если бы она стала видеть!.. Она ведь не знает, какой красивой бывает эта степь, как по весне цветут маки и тюльпаны. А может, знает? Может, ей об этом рассказывает её палка? Она ведь у неё волшебная!..

Бамба смотрел на бабушку, и на глазах у него — то ли от яркого солнца, то ли ещё от чего-то — заблестели слёзы. Но лицо Бамбы было счастливым.

Позабыв о кизяках, он всё стоял, слушал песню и смотрел, смотрел на бабушку, как будто увидел её впервые. Вот она приложила к незрячим глазам сухую, морщинистую ладонь, словно хотела разглядеть что-то за горизонтом, умолкла на минуту и снова, так же ласково и грустно, повела песню. Слова песни, простые и понятные, таяли где-то далеко в степи.

Очарованный песней, встревоженный её грустной мелодией, Бамба выпустил из рук сумку с кизяком и бросился к бабушке. Ему было хорошо от её песни и в то же время страшно. Так она ни разу ещё не пела. О ком она поёт?..

Чёрную каракулевую шапку
Гордо носит парень набекрень.
А милую девушку Ембяшку
Уводят чужие люди...

Бамба подбежал к бабушке, посмотрел на её лицо и увидел на щеках крупные слёзы. Сердце у Бамбы защемило от боли.

— Бабушка, почему ты плачешь? — спросил он и прижался к её коленям.

Она, не отвечая, продолжала петь.

— Бабушка...

Она всё пела. Тогда Бамба потянул её за рукав.

— Бабунь...

А песня лилась и лилась.

Напёрсток из синего железа
Во время шитья звенит...
Милую девушку Ембашку
На колени ставят...

И Бамба вдруг тоже заплакал. А бабушка, донев до конца, утёрла рукавом слёзы, вздохнула и погладила внука по голове.

— Давно я, миленький, не выходила в степь, — тихо сказала она. — Спасибо, дорогой, что привёл. Так на душе хорошо и просторно стало, будто заново родилась! — Она гладила внука по стриженной голове, а он цепко держался за её рукав.

— А зачем ты плакала, бабунь?

— Я не плакала, Бамба, я пела.

— А почему у тебя слёзы?

— Да это от радости, внучек, от хорошей песни.

— А про кого эта песня?

— Про Ембашку — так девушку одну звали. Горькая доля у неё была...

— Почему?

Бабушка, не ответив, оперлась на палку, собираясь идти, но Бамба остановил её:

— Почему горькая доля, бабушка?

Бабушка закрыла глаза.

— Давно это было, внучек. Жила на свете хорошая девушка, Ембашка. Очень добрая и красивая. Говорят, когда калмыки уходили на восток, в Джунгарию, по пути на них напали враги и увели с собой Ембашку. Надеюсь, что её освободят, оставила девушка на дороге каракулеву чёрную шапку, трубку с серебряным чубуком и напёрсток — подарки, которые она готовила своему жениху. Жених её был бедный парень, зато смелый и сильный. Он

один погнался за похитителями, но догнать их не смог. Так и пропала бедная Ембляшка...

— А откуда у неё трубка и серебряный чубук взялись? — спросил Бамба.

— Это её подарки жениху, к свадьбе она готовилась.

— А Ембляшку убили?

— Может, убили, а может, в полон увезли. Только пропала Ембляшка. А люди о ней сложили песню, и песня та живёт и рассказывает другим о бедной девушке...

Наступал вечер. Склонилось к горизонту большое красное солнце. Оно опускалось всё ниже, ниже и вскоре стало медленно тонуть в густой розовой дымке. И сразу стало темно. Так всегда бывает в южной степи. Бамба сложил свои кизяки в бабушкин мешок, она взвалила его на спину, и они медленно, без дорог и тропок, пошли по сухой степи к кибитке. А степь не спала. Степь жила. Она дышала, звенела, она пела свою нескончаемую песню.

НОЧЬ В СТЕПИ

Коротка ночь в калмыцкой степи. Поздно ложатся спать чабаны. До полуночи в кошах ведут они неторопливые беседы. Расположившись на телегах, а то и прямо на земле, они обсуждают свои насущные заботы. А забот у них немало.

Овцы, сытые, уставшие за день, лежат чуть поодаль, лениво пережёвывая жвачку. Рядом с ними — их верные стражи, огромные белые овчарки. Эти не отдыхают, они ходят взад-вперёд, чутко прислушиваясь к звукам и запахам. Малейший шорох — и они уже наготове. Собака для чабана — лучший друг и помощник.

Летнее небо — ясное и близкое. Солнце за день так накаляет воздух и землю, что духота чувствуется и вечером. Но вот чуть потемнело, и небо украшается огромными звёздами. Они — словно букеты цветов...

Душа у чабанов чуткая, как степь. И спокойная. В ясный летний вечер и думы у людей ясные и спокойные.

На ковре лежит сам старший чабан — Харцхá, рядом его помощники — Нарáн, Бадмá — и старая мать Харцхи.

Тут же готовит на очаге ужин Болха, жена старшего чабана. Она половником достаёт из котла крупные куски по-калмыцки сваренного мяса, смешивает его с лапшой и накладывает в большие деревянные чашки. Кизяк так разгорелся, что жар его стал похож на пламя в кузнице. Будто мехом его поддувают. От яркого пламени лицо Болхи кажется бронзовым.

Молодой чабан Бадма принёс столик и поставил на ковёр.

— Бадма, заодно возьми и мясо! — крикнула ему Болха.

Проголодавшийся чабан вмиг оказался у очага, где на подставке дымилось мясо, и, не скупясь, положил себе солидную порцию.

Подошла старушка, присела у очага, прислушиваясь к разговору, потом спросила:

— А где внучата? Они ведь тоже, наверное, проголодались?

Братья играли поблизости, у водовозки. Услышав голос бабушки, прибежали и уселись у подставки.

— Вымойте руки, — сказала мама.

Бамба встал и пошёл к умывальнику, а Бембя даже не пошевелился.

— А ты? — повернулась к нему Болха.

Бембя захныкал:

— У меня чистые руки...

— Немедленно вымой, а то останешься без ужина!

— Не пойду, они у меня чистые.

Прибежал Бамба. Они с братом ели всегда из одной миски. Но когда Болха поставила перед ними мясо, Бамба вдруг запротестовал:

— Я не буду есть с Бембёй! Он не вымыл руки.

Бембя, скорчив грозную гримасу, незаметно показал брату кулак:

— Мои руки чище твоих!

— Нет, мои чище!

— Нет, мои!

— Мои!..

Подошла Болха.

— Опять схватились? — Она взяла Бембю за руку. — Сейчас же вымой руки.

Бембя снова заупрямился. Пришлось вмешаться отцу:
— Кто же это садится есть с грязными руками?

Бембя снова захныкал. Бабушке стало жаль его, и она вступилась за внука:

— Ну что вы все к нему пристали?

Отец рассердился:

— Мама, напрасно ты берёшь этого лентяя и неряху под защиту! Бембя, встань и ступай мыть руки!

Бембя захныкал ещё громче:

— Пока я помою руки, Бамба всё съест...

Но всё-таки встал и пошёл к умывальнику, а когда вернулся, брат сидел перед дымящейся чашкой и терпеливо ждал его.

После плотного ужина хорошо отдохнуть, поговорить о жизни, вспомнить прожитое, помечтать о будущем. А Харцхе вспомнить есть о чём. Этот чабан, с телосложением богатыря, многое повидал за свою жизнь. Да, с виду он кажется мрачноватым и замкнутым, но если попросить его рассказать о прожитых годах, он поведает о них с удовольствием. Как книгу интересную прочтёт. Особенно любит вспоминать он о Великой Отечественной войне, которую прошёл от начала до конца. Обычно Харцха начинает так:

— Воевал со мной в одном полку очень смелый и честный человек, Иван Болдырев. Русский, из Рязани...

Наверное, с этого он начал бы свой рассказ и сегодня. Но, видно, Бембя раздосадовал его, и Харцха после ужина, попив чаю, сразу же ушёл к овцам. Поэтому разговор о жизни сегодня повёл второй чабан — Наран. Он тоже человек бывалый, многое видел и многое знает. А Бамба уверен, что Наран — удивительный человек. В свои шестьдесят лет он может быстрее молодого оседлать лошадь и как ветер умчаться в степь. Он очень лёгкий и быстрый. А когда работает — залюбуешься. В работе он ловкий и сильный. Бамба помнит, как однажды, когда отец уехал по делам на ферму, Наран с отарой остался один. Зима тогда подходила к концу, на дворе уже пахло весной, и для чабанов наступила самая горячая пора.

Они сидели дома трое: Бамба, Бембя и бабушка. И вдруг прибежал запыхавшийся Наран:

«Где Болха? Пусть идёт скорее на помощь! На кошарах

начался окот! Одна овца сразу трёх принесла. Это очень добрая примета — лето будет хорошее. А сейчас ягняткам холодно, ой как холодно! Где Болха? Пусть хоть она поможет!»

Бабушка только развела руками:

«Нету Болхи, она вместе с Харцхой уехала в город».

«Ай-яй-яй! — сокрушённо покачал головой Наран. — А я хотел, чтобы она взяла телегу да помогла запрячь быков. И телеги, значит, нету?»

«Нету, Наран, уехали они на ней».

И тут вмешался Бамба:

«Дядя Наран! Телеги нет, но есть водовозка! Ягнят можно отвезти и на ней. А я с Бембей помогу её запрячь».

«Верно, Бамба, молодец! Можно и на водовозке. А помощь ваша мне не нужна, управлюсь один».

И Бамба видел, как Наран подошёл к водовозке, остановился в раздумье: водовозка оказалась полной воды. Если переливать вёдрами, потребуется много времени, а ягнята могут погибнуть от холода. Выливать же на землю пресную воду жалко. И Наран решил: обхватив бочку руками, чабан рывком поднял её вверх и осторожно стал опускать на землю. На его теле от тяжести напряглись все мускулы, вздулись на висках вены. Казалось, вот-вот не выдержат руки, он упадёт и бочка с водой придавит его. Но этого не случилось — бочка осторожно легла на жёлтый песок.

С тех пор Бамба стал считать Нарана самым сильным человеком на свете. Бамба во всём старался подражать Нарану, хотел быть таким же сильным и ловким, как старый чабан. Вот плохо только, что Наран курит много и от него всегда пахнет табаком, хотя Бембе это и нравится. Сейчас Бамба с Бембей лежат рядом на мягкой подстилке и слушают рассказ Нарана. А чабан рассказывает о звёздах. Интересно рассказывает — заслушаешься.

— Вон та звезда, — говорит он, глядя на небо, — известна всем людям. Называется она Золотой Кол¹, а установлена на самой высокой горе Семёр. В том месте центр всего неба...

Интересно рассказывает Наран. Только зачем вот он

---

¹ Золотой Кол — Полярная звезда.

иногда останавливается? Вспоминает или придумывает? Ребятишки во все глаза смотрят на чабана. А Наран буд-то нарочно медлит. Он достаёт из кармана кисет, тремя пальцами берёт щепотку табаку, насыпает его на клочок бумаги и делает самокрутку. А сам о чём-то думает, думает... Потом неожиданно продолжает:

— Говорят, что возле Золотого Кола днём и ночью пасутся Две Рыжухи...

— Это лошади? — не выдерживает Бамба. — Они привязаны к нему?

— Нет, Бамба, Две Рыжухи — это звёзды. Вон они. — И Наран кивает на небо, где светится и мигает целое море огней.

— Звёзды... — шепчет Бамба. — А как найти Двух Рыжух? Дедушка, покажите...

Наран качает головой:

— На небо показывать пальцем нельзя.

И тут не выдерживает Бембя:

— Почему нельзя? Дядя Наран, покажи!

Болха качает головой, стыдит Бембю:

— Ай-яй-яй!.. Старших так просить нельзя, для тебя он дедушка. Понял, глупенький?

Но Бембе сейчас не до замечаний, его интересует небо, и он пристаёт:

— Почему нельзя показывать пальцем?

— Если на звезду показать пальцем, — спокойно объясняет Наран, — то пальцу потом станет холодно, он начнёт мёрзнуть и высохнет. Там, где пасутся Две Рыжухи, находятся ещё Семь Богов, или, как их русские называют, Большая Медведица. А в середине Большой Медведицы — две звезды. Одна из них — маленькая. Её-то и увели из Мечёнов¹. Рассказывают, что однажды Мечены обиделись на людей и послали на землю большой холод. От того холода всё погибало. Семи Богам жалко стало людей, и они решили выкрасть одну из звёзд Меченов...

— Зачем? Она золотая? — перебивает Нарана Бембя.

— Нет, Бембя... Выкрасть не для зла, а для добра, чтобы на земле стало теплее. И когда Семь Богов выполнили своё решение, на земле опять стало тепло. Опять

---

¹ Мечёны — созвездие Плеяд.

всюду зацвели цветы и запели птицы. А украденная звезда с того времени стыдливо мигает. Ей стыдно, что она приносила людям столько зла...

Наран опять замолчал. И теперь надолго.

Бамба напряжённо думает о звёздах, о тех загадочных огоньках, что мигают над его головой. Вон они, оказывается, какие! Они тоже умеют творить добро и зло.

Харцха вернулся, когда чабан заканчивал свой рассказ.

— Хорошо ты рассказывал, Наран, о звёздах. Семь звёзд, Семь Богов — это счастье... Так говорит поверье народное, — сказал он.

Наран кашлянул.

— Правильно, Харцха. И если Бембе и Бамбе повезёт, они увидят на востоке звезду, которая называется Сэ-Дюлйн-Цагáн. Та звезда заменяет Луну, а доброму молодцу она помогает в пути...

В это время неподалёку от кошары залаяли собаки. Овцы, всё время мирно дремавшие, заблеяли, забеспокоились. Неужели волки?

Харцха, Наран и Бадма, не сговариваясь, вскочили со своих мест и побежали к отаре.

Братья остались одни.

БАБУШКИНА МОЛИТВА

Тихая ночь вмиг пробудилась от сна...

Харцха — опытный чабан. Он, как старый цыган, не проживёт недели на одном месте, всегда в движении, и степь для него — дом родной. О своих овцах он так говорит младшему чабану Бадме:

— Наши овцы — это наше богатство. А овцы у нас потому хороши, что травы здесь зелены и сочны. А чтобы овечки ещё лучше были, надо хорошо знать чабанское дело. И перво-наперво больше семи дней не пасти овец на одном месте. Степь велика, ходи по ней, гуляй, откармливай овечек вволю, и к осени ты принесёшь колхозу целое богатство.

Как свои пять пальцев знает Харцха все окрестные пастбища, все колодцы с пресной водой и все отгоны. Три

дня назад перегнал он свою отару с урочища Таван Салá в отдалённое местечко Ярты. Мать Харцхи по старинному обычаю освятила Ярты своей молитвой. Она жгла сало на костре и горелым запахом будто бы утоляла голод ненасытного Окón-Тенгёра, бога огня, и умоляла Бурхán-Бакшй, Будду, послать им на новом месте счастливую жизнь, ласковое солнце, сочную траву и родниковую воду.

Но на новом месте, видно, её молитва не помогла. Весть о появлении волков повергла бабушку в уныние.

— Почему, почему ты не послушал мою молитву, не отвёл от нас беду? — тихонько вопрошала она. — Послушай её ещё раз, пошли нам счастье на новом месте...

А на дворе в это время шумели чабаны, блеяли овцы, залиристо и зло лаяли собаки. Овцы зывали о помощи и ждали, когда их друзья, люди, отведут от них беду, потому что волки в ночной степи страшнее пожара. Они могут перерезать всю отару и уйти безнаказанными.

Бамба и Бембя, прижавшись друг к другу, сидели в углу коша и во все глаза следили за бабушкой: поможет её молитва или нет? А сами прислушивались: что делается там, где отары? Прибежал Бадма, схватил ружьё и снова умчался. И ещё сильнее заблеяли овцы, и ещё громче залаяли собаки. Видно, волки были совсем рядом.

И грянул первый выстрел. Разорвав тишину ночи, он оглушил братьев. Бамба весь напрягся, а Бембя заплакал:

— Ой, я боюсь!..

Бамба прижался к нему плотнее:

— Не плачь. Сейчас их убьют...

Потом загремели ещё выстрелы, ещё и ещё. И опять стало тихо. Замолкли и овцы, и собаки.

— Убили, наверное, — прошептал Бамба. — Видно, здоровый был волк. Вот бы посмотреть!

Бембя осмелел. Он зашевелился, потянулся к уху брата:

— А я недавно видел волка, большого-большого.

— Где?

— Видел! Шерсть на нём лохматая, а сам он похож на нашего Балты́ка, только зубы ещё больше, и в глазах огонь.

Бамба поверил, вздохнул:

— А я не видел. Ни разу ещё волка не видел.

— Утром я тебе нарисую его,— сказал Бембя.— Хочешь?..

В это время вошёл отец. Он обнял сильными руками Бамбу и Бембю, прижал их к себе.

— Струсил волки, убежали. Только хвосты мелькнули...

Бабушка снова опустилась на колени.

— Спасибо тебе,— зашептала она,— услышал ты мою молитву...

А Бамбе вдруг стало легко и весело. Всё-таки очень храбрый у них отец! Он нисколько волков не побоялся. И он, Бамба, будет таким же, как отец, как все чабаны. Надо только стать сильным-сильным...

ХАР БУЛУК

До недавнего времени это место считалось пустыней. Кругом — голая, выжженная степь. Насколько хватает глаз — ни одного деревца, ни единого кустика. Полынь и то здесь в один стебелёк, тощая, сухая. Не водятся даже суслики — нечем питаться. Лишь одно палящее солнце. Как начнёт жечь, некуда спрятаться. Долгие годы Харбулукская степь была заброшенной, отрешённой от жизни.

Но вот однажды приехали сюда на машине люди из Элисты. Была весна, ласковая, дождливая. И даже эта бедная степь вырядилась в платье из цветочных нарядов, как невеста перед свадьбой.

— Красота-то какая! — сказал один.

— А просторище-то! — поддержал второй.— Вот бы сюда воду! Напоить эту степь, насытить... Да она бы озолотила...

Неподалёку от их стоянки пролегала балка. Они спустились вниз, долго осматривали дно балки, зачем-то мяли в руках землю.

— Дно достаточно влажное,— сказал один из приезжих.

— Тут должен быть где-то родник,— высказал предположение другой.

— Обязательно! Эта влага не от дождей.

С приезжими спустился в балку и шофёр. Он тоже нагнулся, взял в руки горсть земли, размял, подержал на ладони, потом растёр.

— Есть родник,— сказал он уверенно.— Земля сырая, да вот плохо, что серой пахнет. Значит, вода не пресная.

— Может, и пресная есть, кто знает,— сказал первый.

— Поискать надо,— вставил второй. И снова вскричал восхищённо: — А степь-то какая! Раздолье!.. Да-а, воду бы сюда...

Они сели в машину и уехали. Долго ехали, и никто за всё время не сказал ни слова. Всё думали. О чём? Об этой степи? О воде? Может быть.

И вдруг тот, что был постарше, сказал шофёру:

— А ну-ка останови.

Машина резко затормозила, пассажиры вышли, и первый, пробуя носком сапога землю, произнёс:

— А что, если попробовать вырыть колодец?..

Шофёр удивлённо посмотрел на старшего из пассажиров:

— Здесь? Колодец? Для чего?

— Сейчас узнаешь,— спокойно ответил тот.

А пассажир помоложе спросил:

— Где же его следует рыть?

— Конечно, в Хар Булúке,— ответил первый. И снова сказал шофёру: — Давай-ка повернём к стоянке Харцхи. Потолковать с ним надо, он эту степь хорошо знает.

И опять несётся по степи машина навстречу ветру и солнцу, а под колёсами плывёт море цветов. Степь цветёт. Степь благоухает.

ХУРИН САЛА

Хурин Сала — благодатная местность. Здесь расположен кош старшего чабана Харцхи, и Бамба с Бембей с утра до вечера резвятся в этой благодати. Трава тут по пояс человеку, а дождевая вода ручьями собирается в небольших балках и образует озёрца. В них можно даже купаться. Поэтому в летний зной в Хурин Сала собирается много отар — корма тут хватит для всех.

Бамба с Бембей в лучшие дни весны редко сидят дома.

Они с утра до вечера там, где взрослые. С ними весело, интересно. Вот и сегодня колхозный зоотехник распределяет чабанам пастбища. Идёт спор, становится шумно, порой кто-то ругается. Зоотехник — человек важный и сердитый. Он доказывает что-то, убеждает, и иногда Бамбе и Бембе просто жалко его. Они, наслушавшись взрослых, тоже начинают спорить.

— Степь большая, травы вон сколько на ней, — говорит Бембя.

Бамба не соглашается:

— Травы много, но она разная. Есть такая, которую овцы не едят...

— Всю едят.

— Нет, не всю.

— А я говорю, всю! Хочешь, проверим?

Они бегут к овцам, рвут траву и дают животным.

— Видишь, ест!

— А эту не ест...

— Да у тебя больная овца! Она и молоко с сахаром пить не будет...

Потом они опять возвращаются к кошам и снова с интересом прислушиваются к разговорам взрослых.

А споры из-за пастбищ продолжаются. И опять чабаны осаждают зоотехника. Как же, от него многое зависит! По душе ему человек — даёт выпасы получше; нет — забирая худшие. Он часто ссорится с чабанами. Но чабаны народ настойчивый.

— Я выпасы распределяю по плану... — твердит зоотехник.

— А у нас тоже план, — отвечает ему чабан Батá Очýров. — Наш план — это побольше мяса и шерсти. Овцам нужен корм — это главное! Понимаешь ты? А отсюда и план.

Зоотехник в конце концов уступает Бате Очирову, отводит пастбище, но тут же начинает шуметь Дорджý Шалбýров:

— Ага, ему вон какое отвели, а чем я хуже?! Чем мои овцы отличаются от его овец? Давай и мне такое же!..

Зоотехник страдальчески вздыхает и говорит устало:

— Товарищи дорогие, где же я наберусь для всех отдельных пастбищ? Да и сами вы знаете, что, если каждый

год на одном и том же поле сеять только пшеницу, не будет потом хороших урожаев. Так же и с пастбищами — нельзя пасти овец на одних и тех же местах! Пусть земля отдохнёт, наберётся влаги, силы...

— Это мы и без тебя знаем, ты выпасы хорошие дай!..

Харцха, хотя и стоит рядом, в спор не вступает. Мысленно он соглашается и с зоотехником и с чабанами. Интересы у них одни, а обязанности разные, и каждый отвечает за своё дело. Он хорошо знает, что животноводство в Калмыкии — одна из самых доходных отраслей, и поэтому забота о пастбищах — важнейшее для Харцхи дело.

В последнее время Харцха всё чаще думает о Хар Булуке. Огромная степь раскинулась рядом, и никто её не использует — нет воды. Проклятой степью называли её в старину. Но и сейчас о ней отзываются не лучше. А ведь слышал Харцха, что была в той степи жизнь. Вода была! Много воды. Харцха знает, что раньше хозяйничал в степи Джалджи Шонтаев. Огромные богатства приносила ему степь. Так почему захирела она теперь?

Все твердят: «Нет воды». Но ведь вода была! Ушла?.. Пересохли родники, колодцы?.. Но и они были! Их будто бы засыпал богач Шонтаев, когда в Калмыкию пришла Советская власть. И с того времени эту степь стали называть проклятой. А если поискать родники и колодцы, отрыть их?..

Думы о Шонтаеве беспокоят многих. О нём до сих пор ходят мрачные легенды среди калмыков. По рассказам стариков, это был сильный и злой человек, большой самодур. Он сам чинил суд и расправу, мог за одно слово убить и мог озолотить.

Бамба не раз замечал, что, когда его бабушку спрашивали о Хар Булуке, она, тяжело вздыхая, восклицала: «Не приведи господь попасть в ту проклятую местность!» — и принималась за молитву. А бабушку пытались расспрашивать многие. Она старенькая, обо всём слышала и всё знает. Но о Хар Булуке она почему-то рассказывает скупно и неохотно.

Бамба слышал, как однажды с бабушкой говорил его отец Харцха.

— Мать, правда, что богаче Хар Булука в Калмыкии не было места? — спрашивал он.

Бабушка по привычке вздыхала:

— Зачем тебе этот Хар Булук?

— Да вот слышал, что там были раньше сочные пастбища, чистые родники с пресной водой...

— Может, и были, а сейчас нет.

— Куда же они делись?

— Спроси у Шонтаева, он знает...

— А ты Шонтаева знала?

— Знала. И не дай бог тебе его узнать.

На этом беседа оборвалась. Отец ходил сердитый и недовольный, а бабушка прислушивалась к его шагам и что-то шептала.

Потом Бамба слышал, как отец доказывал другим чабанам:

— Стране нужны шерсть, мясо, овощи, фрукты... А у нас вон сколько земли пропадает! Была в степи вода, была жизнь. Значит, надо найти эту воду, оживить степь. Это наша с вами задача.

— В Калмыкии земли хватит, — отвечали Харцхе. — Зачем на поиски воды тратить силы?

Харцху злили такие слова.

— Да, наша земля просторная, — горячился он. — Но сколько у нас раньше было скота? А сколько сейчас? Со временем будет ещё больше. Значит, давно настало время подумать о новых пастбищах. Вот и о Хар Булуке пришёл срок позаботиться...

О том же самом Харцха не раз говорил и на колхозном собрании:

— Мы осваиваем целинные земли, наша молодёжь возрождает к жизни веками пустовавшие степи Казахстана, Сибири, Алтая. А тут у нас под боком Хар Булук! Надо писать об этом в Элисту, пусть приедут геологи, поищут воду. Вода в Хар Булуке есть!

Как-то Харцха подтащил к себе Бамбу и Бембю, обхватил горячими сильными руками.

— Ну, орлы, в Хар Булук со мной поедете?

Бембя промолчал, а Бамба тут же ответил:

— Поеду, поеду, пала! А когда? Завтра?..

А Бембя, перебив брата, спросил:

— А зачем ехать? Золото искать?

— Не золото, сынок, а то, что дороже золота.

— А что дороже золота?

Харцха задумался.

— Глупенький ты ещё, Бембя. Есть вещи, которые во много раз дороже золота и всяких бриллиантов. Воду искать поедем. Понял?

Бембя сморщил нос.

— Воду? Её и так у нас стало много. И разве вода дороже золота?

Бамба же снова спросил:

— Пап, а когда поедем?

Харцха прижал его к себе:

— Молодец, Бамба! Ты, кажется, всё понял. А поедем скоро...

Подошла Болха. По её лицу было видно, что она всё слышала.

— Не в Хар Булук ли собираешься?

Харцха никогда не прятал от жены своих мыслей. И сейчас сказал ей правду:

— Да, Болха, собираюсь. В Хар Булуке надо воду найти. Во что бы то ни стало! Она очень нужна.

Болха вздохнула:

— А о детях ты подумал? Ведь им скоро в школу идти, а там дикая степь, безлюдье...

Харцха очень любил своих мальчишек. Он, как и Болха, хочет, чтобы выросли они сильными, твёрдыми, знающими. И он хорошо понимает жену. Она дельно говорит. Да, там, в Хар Булуке, дикая степь, безлюдье. Но ведь детей можно оставить и в городе, он совсем близко. И Харцха сказал об этом жене.

Болха заплакала:

— Значит, разорвать на две части семью? Дети — в городе, а мы — в Хар Булуке?..

«Болха... Что с ней случилось? Раньше она никогда не плакала! Даже когда совсем тяжело было, а тут...»

— Болха, о детях не беспокойся. Выучим, поставим на поги. Всё будет хорошо!..

Но Болха продолжала плакать. Харцха нахмурился. Это был первый признак, что он сердится.

Захныкал и Бембя. Харцха не выдержал.

— Ну, знаете, хватит! — И повернулся к Болхе: — Если не хочешь ехать со мной в степь, поезжай с ребяташками в город. А я не могу сидеть спокойно на одном месте — такая у меня работа и... такой у меня характер. А сегодня вода для меня — наиважнейшее дело!

Сказав это, Харцха поднялся и вышел на улицу.

Братья никогда не слышали, чтобы отец так сердито разговаривал с мамой. И Бамба с Бембей, жалея её, подошли к ней.

— Не плачь, мама, — прильнул к ней Бамба.

Бембя уцепился за её руку с другой стороны:

— Мама, хочешь, мы не будем учиться и всегда будем вместе с тобой?

Болха прижала к себе головы ребят и улыбнулась сквозь слёзы.

— Нельзя не учиться, дурачок, — сказала она Бембе. — Тот, кто не учится, — пустой и ненужный человек. Для такого никогда не будет света...

Дети... Пока маленькие, они ласковы и наивны. А подрастут — и за все ошибки спросят с родителей.

Печаль и тревогу сняло с Болхи как рукой. Она усадила сыновей рядом.

— На отца я не обижаюсь, он прав! Человек всегда должен быть в пути. Тот, кто остановится, не дойдёт до конца дороги...

Они сидели на мягкой кошме, и перед ними расстилась степь, широкая и привольная. Она как душа человека: для одного распахнётся, обогреет своим теплом, для другого — нахмурится, окутает невыносимым жаром. И вот они, её, Болхи, дети, родились в этой степи. Они, как две её руки, — обе одинаковы и обе необходимы. Да, очень похожи друг на друга Бамба и Бембя. Но чувствовала Болха, что становятся они разными — разными по своим характерам. Вот Бамба просто пожалел её, и она, мать, рада этому. И Бембя пожалел, но в его жалости она увидела тревогу. Из-за неё, из-за матери, он готов и в школу не ходить... Так думала Болха, пытаясь понять, каковы они, её ребяташки.

Отдвинулся на задний план разговор с мужем. Теперь другие мысли наполнили её тревогой. «А одинаковы ли у людей руки? Есть ведь левая, есть и правая. На долю

одной достаётся потрудней работа, а на долю другой — полегче. Не такими ли растут и дети?..»

Вошёл Харцха. Бамба и Бембя выбежали на улицу. Харцха подошёл к Болхе. Она протянула к нему руку.

— Харцха, я тебе лишнего наговорила... Прости, погорячилась. Ты прав, ребят можно учить и в городе.

— И я, Болха, погорячился. Не так просто уехать сейчас в Хар Булук. Тут надо всё хорошенько обдумать. — Он прижал к грубоватой, колючей щеке руку жены. — Поезжай-ка завтра с мальчиками на недельку в город. И сама отдохнёшь, и они много интересного увидят. А то всё степь да степь. Детям теперь надо больше видеть и знать. Поедешь?

Болха кивнула и улыбнулась.

— Харцха, не обижайся. И поступай, как считаешь нужным. Я всегда буду рядом...

ХАРЦХА

Если бы Бамба и Бембя всё знали о своём отце, то о нём бы они могли многое рассказать.

Харцхе сорок пять лет. Плечи и рост у него — богатырские. Он может один поднять несколько овец и нести их на руках в самый сильный буран. Красив он? Для кого как. Для Бамбы и матери красив, а Бембя говорит, что у отца очень колючая щетина и изо рта пахнет табаком. Харцха — человек спокойный, но если уж вскипит, остынет не скоро. Тут его можно сравнить с гранитом, который долго нагревается и долго остывает. Зато в глазах Харцхи никогда не увидишь зла, они всегда чисты и откровенны.

Бамба и Бембя часто слышали рассказ отца о том, что во время войны он крепко подружился с одним русским парнем — Иваном Болдыревым из Рязани. Стали они с ним как братья родные, хотя по внешности и по характеру были разные. «Иван — щуплый, шустрый, волосы у него русые, а глаза синие-синие, как васильки во ржи», — не раз описывал друга Харцха.

Первая их встреча произошла в одном из боёв. Иван спас тогда Харцху от верной смерти. Сразу пять немцев насели на Харцху; троих он убил, а двое подмяли его под

себя. И тут подоспел Иван. Когда с немцами было покончено, он протянул Харцхе руку и весело сказал:

«Нам ещё домой вернуться надо. Будем землю пахать, пшеницу сеять, детей растить, а умирать нам вовсе ни к чему!»

Весёлым и душевным оказался солдат Иван Болдырев. Как-то после боя разыскал он Харцху, протянул ему свой котелок:

«Ешь, друг, угощайся кашей. Щи да каша — пища наша, от них в России вся сила».

Харцха тогда сказал ему:

«Иван, ты спас мне жизнь — будь моим братом...»

Иван улыбнулся:

«Братом? А что? Можно! Братьев у меня нет, пусть теперь будет брат. А жить нам с тобой ещё долго-долго придётся, у немцев для нас пули пока не отлиты».

И стали они с того дня побратимами.

Потом, в другом бою, они ещё теснее сблизились. Их взвод, разбив немецкие укрепления, по пятам преследовал врага. Надо было не дать фашистам уйти. Неожиданно немцы остановились и стали яростно сопротивляться. Иван и Харцха залегли в укрытие. Но Иван — маленький; лёг в расщелину — его и не видно. А Харцха как гора, весь на виду. И вот немецкая пуля угодила ему в плечо. И снова на помощь пришёл Иван Болдырев. Он помог Харцхе переползти в безопасное место и перевязал рану, шуточно успокаивая:

«Тебя, Харцха, даже немецкая пуля не берёт — так, царапинка... Я же говорил, что нет у немцев такой пули, чтобы нас с тобой убить».

До самого Берлина шли побратимы рядом. А в Берлине, в штыковом бою, Иван был тяжело ранен. И теперь его спас Харцха. Он на руках отнёс друга в медсанбат, и не было у него тяжелее горя, чем ранение Ивана. После этого они расстались и больше не виделись. Харцха до сих пор сокрушается:

— Я же был с ним рядом! Ведь Ивана действительно ни одна пуля не брала!..

Бамба много раз слышал рассказы отца об Иване Болдыреве, и всегда его интересовал этот храбрый и весёлый человек.

— Пап, а почему дядю Ивана ни одна пуля не брала? — спросил он как-то.

Харцха подошёл к Бамбе и поднял его на руки.

— Он, сынок, был умнее и сильнее фашистов, он за правду свою воевал, за Родину, за нашу Советскую власть, за тебя с Бембей, за всех нас. А такого человека ни одна пуля не возьмёт. Правду и свободу убить нельзя!

Спрашивал об Иване Болдыреве и Бембя, но вопросы его были совсем другими:

— Пап, а Иван много золота у фашистов захватил?

Харцха хоть и хмурился, но как мог объяснял Бембе:

— Никакого золота Иван не захватывал. Богатство человека, сынок, — это сила и красота его души, то, ради чего он живёт и борется. А душой Иван был очень богат. Золотая у него была душа...

Бембя умолкал, размышляя над этими словами, и тут спрашивал Бамба:

— А на войне страшно?

Отец отвечал:

— Когда боишься — страшно. Но боязно было только сначала. А вот шумно — это да! Особенно когда «катюши» стреляли. Зато весело. Так весело от их залпов было, что даже петь хотелось.

Бамбе такие ответы нравились.

— Я так и думал... Я и Серёжке Шалбурову сказал, что ты смелый. Ты ведь ничего-ничего не боишься, правда?

Отец улыбался.

— Это машина, сынок, ничего не боится, а человек... Он должен оберегать свою жизнь, быть умнее и хитрее врага. Вот страшиться, правда, не надо; страх и осторожность — вещи разные. Страх бывает у труса, а осторожным может быть и смелый человек.

Обычно такие дискуссии прерывала Болха. Послушав немного, она говорила:

— А что, если нам поискать дядю Ваню ещё раз? Давайте напишем пионерам в Рязань. Вдруг он откликнется, вдруг жив?..

Братья и отец тут же соглашались:

— Давайте, давайте напишем!

Бамба и Бембя бежали за бумагой, чернилами и с

— Харцха, здравствуй!..— сказал секретарь райкома.

помощью отца и мамы сочиняли очередное письмо. Таких писем они уже разослали десятки, но ответы на них были неутешительные — Иван Болдырев всё не находился.

БЕСЕДА

Чёрная запылённая машина остановилась у дома Харцхи. Две огромные собаки бросились к ней, грозно залаяли. На их лай прибежал с пастбища Харцха. Увидев машину и узнав гостей, он крикнул своему помощнику:

— Бадма, побудь с отарой! Овец далеко не угоняй. А я встречу гостей. Приехали секретарь райкома с председателем.

Юноша белозубо улыбнулся:

— Только не ругайся, Харцха, с ними. Гости-то важные. Но про воду скажи обязательно. Несытно у нас стало овцам.

Гости хотели было ехать к отаре, но, увидев идущего к ним Харцху, вышли из машины.

— Харцха, здравствуй! Как живёшь? Где детишки? Гостинцы им тут Басанг привёз, — сказал секретарь райкома, протягивая чабану руку.

Харцха, поздоровавшись, ответил:

— Живу — не тужу. Пасём овец. А детишки мои уехали в Элисту в гости.

Председатель колхоза, тоже протянув руку Харцхе, спросил:

— Ну, а какие жалобы будут? Опять, наверное, по поводу пастбищ?

Выражение лица Харцхи изменилось. Он нахмурился, сузил глаза.

— Ты угадал, Басанг, жалобы всё те же: воды в колодце овцам не хватает. Худеют овечки, болеют, а за это осенью ты нам, наверное, спасибо не скажешь.

— Правильно, не скажу! Овцы должны быть справными, как на выставке. Помнишь, отбирали из твоей отары?..

— Тогда, Басанг, давай воду!

Секретарь райкома улыбнулся.

— Верно, Харцха, требуй своё, наступай на горло, —

и похлопал чабана по плечу. — Впрочем, мы для того к тебе и приехали. О воде говорить будем. Сейчас заезжали в Хар Булук...

Харцха нетерпеливо перебил:

— Ну и как? Какая там трава?

— Хорошая трава. В этом году даже отличная... — сказал секретарь и повернулся к председателю колхоза: — По-моему, Басанг, Харцха прав — зря пустует Хар Булук. Что ты знаешь, Харцха, о Хар Булуке?..

Харцха пригласил гостей под навес. Там все уселись на кошму, и Харцха стал неторопливо рассказывать о Джалджи Шонтаеве, о его богатых отарах и о том, что была вода в тех местах.

— Родник там должен быть, только, наверное, засыпал его богач, чтобы не достался нам. Значит, отыскать его надо или вырыть новые колодцы.

Секретарь райкома согласился:

— И я так думаю: есть в Хар Булуке вода! Сам обошёл несколько балок, дно везде влажное. Вода там есть. Только вот кислая она и серой пахнет.

— Если поискать, и хорошая найдётся, — убеждённо сказал Харцха.

— Значит, нужно посылать людей на поиски воды?

— Да, родники искать надо, — сказал Харцха. — Только, по-моему, людей туда посылать пока не стоит.

— Почему? Что ж ты предлагаешь? — с удивлением глядя на Харцху, спросил председатель. — Сам же везде и всюду доказывал...

— А вот что я предлагаю, — перебил его Харцха. — Сейчас в степи горячая пора, идёт заготовка сена. Люди — на вес золота. Не заготовим сено вовремя — может повториться прошлый год. Помнишь, что было? Калмыки говорят: «Кто чинит старое — мастер, кто думает о будущем — мудрец». Так вот, моё предложение такое: завтра из отпуска вернётся второй чабан, я тогда смогу и сам поехать в Хар Булук и поискать воду.

На лице председателя засияла улыбка. Он крепко пожал чабану руку:

— Правильно, Харцха, умная у тебя голова!

Поддержал его и секретарь:

— Попытайся, Харцха, найти воду. А не найдёшь

один — дадим подмогу. Дело необходимое, без воды задохнёмся.

Харцха, кивнув, сказал задумчиво:

— А найдётся в Хар Булуке пресная вода — со своей отарой переберусь туда.

— Что ж, отыщется вода — перебирайся, — охотно согласился председатель. — Будешь у нас в колхозе первооткрывателем целины...

Весело просигналив, подкатила ещё одна машина. Из неё выскочили радостные Бамба и Бембя, а следом за ними вышла Болха. Братья наперебой стали показывать отцу гостинцы.

Тем временем председатель зачем-то полез в машину, а потом, хитро улыбаясь, протянул Бамбе и Бембе свои подарки.

— А это от меня. Держите!.. — И он вручил братьям по большой коробке конфет, спросив тут же: — Ну, что видели в городе?

— Кино! — воскликнул Бамба.

— В цирке были! — похвастал Бембя.

— В магазины заходили...

— Мороженое ели!..

— Книжки, и тетрадки, и портфели купили...

Секретарь райкома рассмеялся:

— Вот молодцы, всюду побывали! — И пообещал: — А мои подарки и гостинцы — в другой раз. Договорились? Это я вам точно обещаю.

Потом секретарь райкома и председатель попрощались и уехали. А Харцха решил, что надо готовиться к поездке.

ПОЕЗДКА В ХАР БУЛУК

Прошло несколько дней. Как-то вечером Харцха сказал своему помощнику:

— Бадма, завтра я уезжаю в Хар Булук, буду искать там воду.

— Как ты будешь искать её, Харцха, ты же не гидрогеолог?

— Нужда заставит — станешь тем, кем захочешь. А мои родители раньше жили в окрестностях Хар Булука.

Мать не раз говорила, что была там богатая вода. Надо только найти её. А секретарь райкома и председатель сказали, что и трава там хорошая в этом году. Если найдём воду — перегоним туда отару.

— С кем же ты поедешь, Харцха?

— С Нараном. А ты оставайся тут за хозяина да по-лучше смотри за овцами. А сейчас идём чай пить.

За чаем они обсудили все детали поездки в Хар Булук. А после чая Харцха, поострее наточив лопаты, стал соби-раться в дорогу. Но тут подбежали сыновья. Вчера они не успели выложить отцу все свои впечатления от поездки в Элисту, а сегодня, улучив минуту, насели на него.

— Папа, а мы в автобусе ехали. Эх и здорово!..

— И кино смотрели. Про Чапаева! Он с белыми дрался. Как саблей взмахнёт — так и нету головы у беляка! А Ан-ка из пулемёта их — та-та-та... А потом Чапаев утонул, его беляки убили... Я даже заплакал. А Бембя всё ждал, что он выплывет...

— Мы и книги купили, папа, и тетрадки!..

— А ещё Героя Советского Союза видели... Настояще-го! Со Звездой на груди...

Харцха слушает малышей, поддакивает, а сам думает о другом. Хорошо с ними! Весь день бы слушал он их, но сейчас главное — поездка в Хар Булук. Не забыть бы чего. Там, в степи, каждый гвоздь будет дорог. Он приготовил лом, топор и заточил ещё одну лопату — третью.

— А зачем тебе так много лопат? — спросил Бамба, не отходивший от отца.

— Может, сынок, колодец рыть придётся. Сломается или затупится одна, ей другая на замену. А в запасе ещё и третья будет. Понял?

— Понял, папа. Ты только возьми и меня с собой, лад-но? Я тебе и дяде Нарану помогать буду...

— Ну уж нет, — улыбнулся отец, — помощник ты пока слабенький, да и устанешь там. Нам дня три-четыре в Хар Булуке пробить придётся.

— Не устану, папа! Вот увидишь, не устану!

— Нет, Бамба, ты уж лучше здесь Бадме помогай за овцами присматривать.

— А Бадме Бембя и мама помогут.

— Нельзя, Бамба,— уже серьёзно сказал отец.— Мал ты ещё для такой дороги.

Опираясь на палку, вошла бабушка. Бамба бросился к ней:

— Бабуня, почему меня папа с собой не берёт? Я ведь большой уже...

— Что ты, что ты, внучек, нельзя тебе в такое место! И отец-то твой зря едет. Не найдёт он там воду, погубили природы водичку...

— Найду! — твёрдо сказал Харцха.— Ты же сама говорила, что была там вода.

— Была, да сплыла, а место то проклятым стало. Зря, Харцха, едешь.

— Тьфу ты! — не сдержался Харцха.— Я думал, ты добрый совет дашь мне, а вместо этого...

Старушка насупилась, а Харцха, поняв, что погорячился, сказал уже спокойнее:

— Надо, мама, ехать, очень надо. Задохнёмся мы тут без воды. Отар-то вон сколько нагнали — и все на один водопой.

— Ну, раз надо, поезжай, сынок. Только остерегайся той степи, злая она...

— К злему мне не привыкать. Война позлее была, и то выдюжил...

Наран — он приехал совсем недавно — запрягал в арбу быков. Бамба вертелся возле него. Когда к ним подошёл Харцха, Наран сказал:

— А что, Харцха, давай мальчика возьмём? Ничего с ним не случится, а закалка для него хорошая будет, в жизни пригодится.

Отец улыбнулся:

— Что, уже и Нарану пожаловался?

— Нет, я не жаловался! Пац, возьми...

Отец махнул рукой.

— Ну, что с тобой делать, собирайся...

Бамба, услышав это, от радости даже подпрыгнул.

— Разрешили, разрешили!.. — во весь голос завопил он и бросился к дому.

Бембя, узнав, что Бамбу отец берёт с собой в Хар Будук, тоже стал проситься. Но не так горячо, как Бамба.

— Нет, Бембя, тебе уж придётся побыть дома за хо-

зяина. Да и болеешь ты часто. А Бамба не боится ни дождя, ни холода. Помогай здесь маме и бабушке по хозяйству, смотри за овцами, будь молодцом. А мы с Бамбой воды тебе из Хар Булука привезём, чистой, родниковой.

И через несколько минут Харцха, Наран и Бамба тронулись в путь. Бамба сам погонял волов и улыбался от радости...

В Хар Булук они прибыли в полдень, когда солнце стояло в самом зените.

Наран, окинув взглядом цветущую степь, вскричал невольно:

— Раздолье-то какое! И ни одной живой души — будто кладбище... А ведь Джалджи Шонтаев неплохо здесь хозяйствовал: двенадцать табунов лошадей имел, а овцам и счёту не знал.

Харцха остановил быков неподалёку от ложбины, которая к востоку переходила в глубокий овраг. А ещё дальше овраг превращался в котлован, похожий на впадину высохшего озера. На возвышенности Ярты распрягли быков, сняли с арбы лопаты, а бочонок с водой поставили под арбу.

— С чего начнём? — спросил Наран.

— С Бамбы, — засмеялся Харцха. — Пусть он смотрит за быками, а мы пойдём местность осматривать.

— И я с вами! — взмолился Бамба.

Отец обернулся:

— А с быками кто?

— Я их за собой поведу.

— Веди, если справишься.

Взвалив на плечи лопаты и ломы, отец с Нараном направились к балке. Бамба следом за ними гнал быков.

Расположились у начала балки, на ровной поляне.

— Здесь, что ли, начнём? — спросил Наран.

Харцха взял горсть земли, помял её, подумал немного.

— Попробуем здесь.

Две лопаты с хрустом врезались в землю. Уступ, ещё уступ... Летели в стороны пласты земли. Харцха и Наран работали молча. Бамба поблизости пас быков. Потом землекопы сделали передышку.

— В старину, — начал Наран, — когда я был вот такой

же, как Бамба, люди говорили, что человек познаётся в детстве и в работе, а настоящий конь — в жеребёнке и в упряжке!..

«Наверное, что-то интересное скажет», — подумал Бамба и подогнал быков поближе.

— И сейчас эта пословица жива, — медленно вставил Харцха. — Она вечно будет жить.

— Ты прав, — согласился Наран, — но я не об этом хотел сказать. В нашу молодость этой пословице придавали другое значение.

— Какое?

— Вора ведь тоже считали добрым молодцем. Удачно украл — хвалили; попадался — били.

Бамба не выдержал:

— Кто бил? Милиционеры?

Наран засмеялся:

— Тогда, вьюнок, не милиция была, а жандармы. Правда, они редко посещали нашу горячую степь, но иногда всё же бывали. Хотите, расскажу вам один случай?

Бамба подбежал ещё ближе, совсем забыв про быков. Отец укоризненно взглянул на него, но ничего не сказал: пусть слушает, что с ним поделаешь!

А Наран рассказывал:

— Приехал ко мне однажды Бодва. Мы с ним дружили, хотя он старше меня лет на шесть был. А мне в ту пору четырнадцать стукнуло, овец я пас у богача Дорджи-на Борá...

Наран достал кисет, закурил, несколько раз затанулся с наслаждением.

— Ох и ловок был этот Бодва! И на коне здорово скачет, и из чужой отары в любое время ягнёнка утащит, и человека любого вокруг пальца обведёт... Вот как-то подошёл он ко мне и спрашивает: «Хочешь научиться ездить верхом?» Ну кто же в детстве откажется от этого! «Хочу, — говорю, а сам боюсь, что Бодва просто смеётся надо мной. — Очень хочу!» — повторяю я. У отца моего лошади не было, поэтому я спал и во сне видел, как бы покататься верхом. А Бодва скакал, как настоящий джигит. Мало того, он к тому времени успел где-то уже украсть одну лошадь, и все его хвалили за это: «Молодец Бодва! Храбрый

парень! Вот каким надо быть!» Для нас, мальчишек, Бодва вообще был героем. И вот поэтому, когда он пообещал научить меня скакать на лошади, я был на седьмом небе от радости...

Наран бросил окурок на сырую землю и поднялся.

— Ну, хватит, продолжение потом, в следующий перекур. А сейчас берёмся-ка за работу.

И опять звенят лопаты, опять тяжело дышат землекопы.

Наран вгоняет лопату до самого черенка и отбрасывает землю далеко от ямы. Харцха не отстаёт: на другой стороне ямы холм не меньше. Они будто соревнуются. И Бамбе приятно смотреть на их дружную работу.

Вот прошло пятнадцать минут, полчаса, час... А они всё роют и роют. Из ямы уже не видно их голов, а редкие отрывистые фразы раздаются будто из-под земли. Бамба лежит на траве и терпеливо ждёт, когда же начнётся очередной перекур. И неотступно думает о Наране. Раньше Наран никогда не говорил о себе, а тут вдруг рассказывает. А Бамба слышал, что Наран в молодости сидел в тюрьме. Но никто его за это почему-то не упрекал — наоборот, все любили и уважали. «Отчего он такой старенький, а крепкий? — думает о чабане Бамба. — И вон какой сильный — копает и копает, будто и не устал». Сложив калачиком ноги, Бамба стегает кнутом по полыни и время от времени поглядывает в сторону ямы. «Нет, всё ещё копают!» И вдруг снова слышит голоса. Оглядывается, а отец с Нараном уже стоят рядом. Наран опять берётся за самокрутку.

— Харцха, ты знаешь восхваление Аранзала Джангара? — спрашивает он.

Отец отвечает:

— Знал когда-то, а теперь забывать стал.

— Тогда послушай, что в нём говорится. — И Наран читает восхваление:

Аранзал в крестце собрал
Всю грозную красоту свою,
Аранзал в глазах собрал
Всю зоркую остроту свою,
Аранзал в ногах собрал
Всю резвую быстроту свою...

А вот другое:

Сказывают, у прославленного скакуна
Шея лебяжья, стальная спина,
Чёлки подобны купавам речным,
Уши — кувшинным ручкам резным,
Очи пронзительнее мечей,
Крепость зубов сильнее клещей,
Редки шаги... Знайте, враги,
Гибель несут вам скакуны!

— К чему ты это всё? — спросил отец.

И Бамба обрадовался вопросу: он тоже не понял смысла восхвалений Аранзала Джангара.

— К чему? — переспросил Наран. — А вот к чему. Конь у Бодвы не хуже коня Аранзала был. Как почувствует на своей спине наездника — ветром становится. Несётся по степи точно вихрь. И вот однажды Бодва подвёл своего коня ко мне и говорит: «Садись, Наран». Я ушам своим не поверил! А когда увидел, что Бодва не врёт, даже испугался. «На такого коня?..» — «Не бойся, — говорит Бодва, — садись, мой конь умнее тебя». «Эх, — подумал я, — умирать так умирать!» И сел. Вернее, не сел, а с помощью Бодвы взобрался на коня. Взобрался, натянул поводья... И началось!.. Будто ураган засвистел у меня в ушах. Будто земля вихрем помчалась мимо меня. С перепугу перехватило дух, зарябило в глазах. Вцепился я левой рукой за луку седла, правой натягиваю повод... А что было дальше, не помню...

И снова оборвался рассказ Нарана. Опять Бамба остался наедине с волами и огромной степью. И когда наступило время ужина, когда солнце уже коснулось горизонта, Наран вылез из ямы, сполоснул лицо и руки и подмигнул Бамбе:

— Помнишь, малец, на чём я остановился?

— Помню, дядя Наран. Лошадь выбросила вас из седла...

— Правильно. А рассказываю я всё это для того, чтобы понял ты, какая жизнь у нас раньше была.

Наран сделал несколько глотков воды из белого эмалированного чайника и вытер рукавом рубашки губы.

— Так вот слушай, что было дальше. Привёз меня Бодва домой чуть живого. Два дня отхаживал — боялся,

что помру. Но я крепким оказался, выжил. А отец с матерью за это время всю степь обшарили. Думали, сгинул я или сбежал. Когда я поправился немного, отец чуть не убил меня, да мать не дала.

А Бодва через несколько дней появляется снова. «Очень, говорит, ты понравился мне, Наран. Давай, говорит, побратаемся». Ну, я сдуру, конечно, и побратался. Для меня тогда это счастьем было. За год научил он меня лихо верхом ездить. И ещё... многому плохому научил.

— А потом? — спросил Бамба.

— А потом?.. Однажды Бодва спрашивает меня: «Нужен тебе конь?» — «Конечно, говорю, нужен, только где его взять?» — «Пойдём вечером — достанем». — «Где?» — «Не задавай глупых вопросов...»

Бамба чувствовал, что вот-вот начнётся самое главное в рассказе Нарана, и хотел это главное услышать как можно быстрее, но в это время раздался голос отца:

— Бамба, а где быки?

Бамба оглянулся: быков не было! Он вскочил на ноги. Не было их в степи, словно сквозь землю провалились!

— Беги по нашему следу! Они, наверное, направились к кошу! — сердито крикнул отец.

И Бамба со всех ног пустился по видному ещё следу от колёс арбы. А вечер уже придвинулся вплотную. Солнце вот-вот утонет за чертой горизонта. А там сразу ночь, темнота. Так всегда бывает в калмыцкой степи.

Бамба выбежал к возвышенности Ярты. От быстрого бега ему казалось, что сердце его не выдержит и разорвётся на кусочки. Ему хотелось броситься на сухую пыльную траву и зареветь от досады. Но тут, в зареве заката, он увидел своих быков. Красновато-бурые, упитанные, они мирно паслись на низине с сочной травой. И Бамба улыбнулся. Нет, всё-таки хорошо, что он приехал в эту степь!..

Когда Бамба пригнал быков, Наран с отцом собирали сухую траву для костра. Бамба бросился им помогать.

— Нашёл? — спросил отец.

— Пригнал! — весело ответил Бамба. — Они у нас смиренные.

Он проворно собирал сухую траву и слушал разговор взрослых. А они говорили всё об одном — о яме, о воде.

— Трудно копать,— сказал отец,— сплошная глина пошла. За день не больше двух метров выкопали.

— Завтра осилим,— уверенно сказал Наран.

— А будет ли вода?

— Будет! Найдём воду. Я заметил, что глина стала тяжелее и водой пахнет...

Потом Бамба помогал им разводить костёр, они варили в котелке сушёное мясо, кипятили чай.

Эх, до чего ж приятно ужинать у костра! Пляшет весело пламя, лезет в глаза дымок, и так вкусно пахнет жареным мясом...

Спать решили у колодца. Постелили войлок и легли. Небо перед глазами — всё в звёздах. Они перемигиваются, играют, и сами собой закрываются глаза. Но разве уснёшь, если Наран не довёл до конца свой рассказ! И Бамба трогает его за руку:

— Дядя Наран...

— Чего тебе, Бамба?

— А дальше-то что?

— Ах, ты всё о той истории с Бодвой?.. Дальше, дружок, было вот что: соблазнил меня Бодва на нехорошее дело. С того самого вечера начались все мои мытарства и несчастья. Жизнь человека может сдвинуться вмиг. Встретились мы с Бодвой в условном месте. Он держал на поводке двух коней. На одном из них было дорогое седло. «Садись»,— приказал мне Бодва и кивнул на коня с седлом. Мы сели и поскакали. А куда, я и сам не знал. Но догадывался: не на хорошее дело едем. И вскоре Бодва мою догадку подтвердил. «Никогда, говорит, не угоняй лошадей у соседей. Надо уехать подальше и брать у чужих». Я лишь киваю головой и поддакиваю. И дрожу от страха — ведь на воровство едем. Долго ехали. Потом Бодва оставил коня. «Ты, говорит, Наран, стой здесь, а я спущусь к Харахусову улусу¹, там в ночном пасутся кони. Выгоню их на тебя, а ты мне поможешь. Гнать их будем в сторону Кевцгін Ула́н. Понял?» Я кивнул, а сам дрожу всё сильнее и сильнее. Но Бодва для меня, глупого, ещё выше стал. Теперь я был свидетелем его храбрости.

Двенадцать коней угнали мы в ту ночь. И в селе Кал-

---

¹ У л у с — район.

мыцкий Базар Бодва передал их подозрительного вида дядьке с козлиной бородкой. Потом этот человек угощал нас жареным мясом и всё хвалил меня. Утром он дал нам много денег. Я столько ни разу ещё не видел. И Бодва, когда заметил, как я прячу деньги за пазуху, дал мне ещё пачку. «На, говорит, бери, ты парень удачливый и смелый. И эту красивую лошадь с седлом дарю тебе». Вот так и стал я конокрадом. После уж меня знали далеко за пределами нашего хотона¹, боялись и уважали. Невест мне сватали самых богатых и красивых. Только я не успел жениться. Поймали меня, посадили в тюрьму, а потом отправили на каторгу...

Но последних слов Нарана Бамба уже не слышал — он спал. И чему-то счастливо улыбался во сне. Эту улыбку заметил Наран. Он укрыл кошмой голые ноги Бамбы и тоже улыбнулся. Ему почему-то в эту ночь было хорошо и легко. И хотя он устал, спать совсем не хотелось. Так бы смотрел и смотрел на эти большие мигающие звёзды, вдыхал всей грудью этот бодрящий и свежий степной воздух и думал о жизни — о той, что прошла, о той, которая есть, и о той, которая будет.

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Бамба проснулся от шума машины. Оглянулся — ни отца, ни Нарана нет. Они, должно быть, встали рано утром и ушли копать колодец. Легковая машина стояла совсем рядом. Вот открылась дверца, и из машины вышел улыбающийся дядя в соломенной шляпе. Бамба сразу же узнал в нём председателя колхоза, того, что несколько дней назад приезжал к ним на кош с секретарём райкома.

— Здравствуй, Бембя! — весело сказал председатель и протянул руку.

— Здравствуйте, дядя Басанг, — сонно ответил Бамба и тоже протянул руку. — Только я не Бембя, а Бамба.

— Вон оно что! Перепутал, значит. Да вас и трудно различить, так вы похожи...

Из ямы вылезли Харцха и Наран. Увидев председателя, переглянулись удивлённо: зачем это он сюда?

---

¹ Хотон — село.

— Ну, как дела? Копаете? — спросил Басанг Церенович.

— Копаем.

— Пахнет водичкой?

— Пока нет.

Басанг Церенович подошёл к яме.

— Ого! Да вы похлеще кротов роете. — И спросил: — Трудно? Тяжёлая глина?

— Тяжёлая, — ответил Харцха.

Председатель задумался, но ненадолго.

— Вот что, — сказал он, — дальше копать не надо.

— Как это «не надо»? — удивился Наран. — Вода здесь должна быть!

Председатель улыбнулся.

— Боюсь, надорвётесь. Я вам машину раздобыл! Она будет рыть колодец. И не один выроет, а хоть десяток.

— Неужели есть такая машина? — усомнился Наран.

— Есть! Ею гидрогеологи пользуются. Я вчера побывал у них и выпросил. Очень хорошая машина, в грунт вгрызается, как крот. — И повернулся к Бамбе: — А этот герой что тут делает?

Бамба ответил сам. И ответил солидно, как взрослый:

— Быков стерегу.

— Так тебе тоже трудодни начислять придётся, — засмеялся Басанг Церенович.

— Мне не надо, я за так...

— Молодец! — похлопал его по плечу председатель. — На энтузиазме, стало быть, работаете...

Он достал папиросы, угостил Харцху, Нарана и закурил сам. Они стояли на свежем холме земли, облитые ярким утренним солнцем. Председатель восхищённо оглядывал степной простор:

— Какая красота! И знаешь, Харцха, есть у меня один замечательный план!..

— Какой?

— Вчера только об этом подумал. Если мы найдём здесь воду, построим посёлок. Настоящий, с электричеством, магазином и школой... Хорошо, а?

Харцха сказал нерешительно:

— Хотя бы ферму поставить...

— А может, и ферму, — быстро согласился Басанг Це-

ренович.— Вон за той балкой построим ферму для коров, а тут, где мы стоим,— водохранилище, а за той горкой — кошары для овец...

Харцха улыбался. Ему, видно, нравились слова председателя, но он не очень-то верил в них.

— Говоришь, Басанг, кошару для овец? — спросил он.

Председатель поправился:

— Не кошару, а ферму. Кошары — это старина. Теперь будем всё строить по-новому.

— Ты что же, хочешь и овец доить, как коров? — теперь уже недоверчиво спросил Харцха.

— А что? И овец доить будем! Будет у нас много овечьего молока — будем делать брынзу, сыры...

— Да, председатель, хорошо мечтаешь, а воду надо ещё найти. Но мы её найдём.— И Харцха поддержал председателя: — А ведь правда — сколько у нас за год пропадает овечьего молока! Это же преступление! Иная овца так мучается от избытка молока, что вымя распухает. Мы по добру ходим и не замечаем его.

— Правильно, Харцха, говоришь! — И Басанг Церенович опять принялся рассуждать о будущем: — А по склону вон той возвышенности, над балкой Гахán Салá, построим школу для ребят. Большая, светлая будет школа и на красивом месте...

Он бы, наверное, в том же духе мечтал и дальше, но в это время со стороны Ярты показались три всадника.

Харцха в одном из них сразу же узнал чабана Бату Очирова. А потом услышал и его голос. Ещё издали Бата закричал:

— Ты чего это, Харцха, уехал от нас тайком? Один хорошим пастбищем завладеть хочешь? Не выйдет! Нам тоже вода нужна.

Харцха нахмурился:

— Пронюхали, черти...

С Батой подъехали Дорджи Шалбуров и Нармá Шарáев. Слезли с лошадей. Сняли и развязали инструменты.

Председатель удивился:

— А инструменты вам зачем?

— Как — зачем? Искать воду будем, Харцхе помогать.

— Спасибо за доброе желание, только помощь ему не нужна.

С Батой подъехали Дорджи Шалбуров и Нарма Шараев.

— Почему это, Басанг Церенович?
— Завтра тут будет машина копать.
— Так, выходит, председатель, ты нас прогоняешь с этой земли? — насторожённо спросил молчавший до сих пор Нарма Шараев.

— Почему же прогоняю? — засмеялся председатель. — Земли тут всем хватит. И помощь ваша пригодится. Я к тому сказал, что с машиной воду искать лучше и легче.

Чабаны обрадовались.

— Вот это хорошие слова, Басанг Церенович! Две руки — хорошо, а если соединить двадцать рук — большая сила получится!

И снова председатель завёл разговор о том, что будет в этой степи завтра, если сегодня найдут здесь воду.

— Школа очень нам нужна, — сказал вдруг Шалбуров. — В прошлом году моя дочка год пропустила, не училась, а в этом придётся в город её везти.

— Я тоже поеду учиться в город, — вмешался в разговор Бамба.

Харцха улыбнулся.

— У меня сразу двое в школу пойдут, — сказал он.

— И моя дочка тоже, — вставил и Бата Очиров. — А в город отдавать не хотелось бы — далековато. Надо бы поблизости открыть школу.

Председатель рубанул рукой воздух:

— Будет, друзья, школа! Отличная школа будет! Вот здесь. В Хар Булуке. Давайте только найдём воду...

УДИВИТЕЛЬНАЯ МАШИНА

Машину для рытья колодцев привёз мощный «ЗИЛ». Пожилой мужчина со стриженной бородкой отрекомендовался чабанам:

— Гидрогеолог Хмуров Николай Иванович.

В кузове сидели ещё трое мужчин. Они тоже соскочили на землю и подошли к чабанам.

Басанг Церенович, довольный и улыбающийся, крепко пожал всем руки.

— Вода нам позарез нужна, — сказал он. — Много во-

ды. Выручайте! Лопатами, конечно, такой грунт не взять. Двое суток работали люди, а дела — на грош...

Приезжие осмотрели яму и взяли пробу земли. Выбор места для рытья колодца они одобрили.

— Тут есть вода, — уверенно сказал Хмуров. — Земля сырая, а дно даже влажное.

Все вместе сняли с прицепа машину-землекопа, подкачали её к яме, установили, и «ЗИЛ», оставляя за собой хвост пыли, уехал.

Бамбу больше всего интересовала машина, которая сама роет землю.

— Дядя, — сказал он, подойдя к гидрогеологу, — а как зовут эту машину?

Николай Иванович усмехнулся:

— Машину как зовут? Очень просто — КШК-30.

— К-кэшэка? Вот чудно! «Кошка» получается!

Чабаны, стоявшие рядом, дружно рассмеялись.

— Ну, пусть будет по-твоему — «Кошка». Это даже лучше, чем КШК-30. По крайней мере, проще, — всё так же улыбаясь, согласился гидрогеолог.

Но тут заинтересовался машиной и Наран:

— А в самом деле, почему её так называют?

Хмуров охотно объяснил:

— КШК — это значит копатель шахтных колодцев. Очень удобная машина, простая. А число «тридцать» означает, что машина эта копает до глубины тридцать метров.

Бамба внимательно приглядывался к машине. У «Кошки» — для него она осталась «Кошкой» — четыре резиновых колеса. Около мотора — сиденье. Позади — железная рама на четырёх ногах, а в раме — винт, блестящий, стальной. Он-то и роет землю.

— Мотор как у комбайна, — заметил Харцха, разглядывая «Кошку».

Мужчины устанавливали винт машины над ямой, которую начали рыть Харцха и Наран. И, когда установили, запустили мотор. Запахло соляркой и ещё какой-то удушливой гарью, а из выхлопной трубы седыми пучками стал вылетать дым.

И вот винт легко и свободно врезался в землю. Мотор стал работать ровно, ритмично.

Бамба смотрел на машину почти не дыша. Она порази-

ла его. Таких он ещё ни разу не видел! Она сама разрыхляла землю и сама выбрасывала её на поверхность. За один только час она выкопала столько, сколько за целый день не смогли выкопать его отец вместе с Нараном.

Наран тоже впервые видел такую машину и, как ребёнок, восхищался её силой и ловкостью:

— Ну как, Бамба, здорово?..

— Здорово, дядя Наран! Она, наверное, сильнее лошади!..

— Не только лошади, Бамба, она сильнее человека. Вон как роет, — сказал Наран и тут же заметил: — А человек всё же умнее её. Ведь создали-то эту машину люди! Умные люди.

— А мы умные? — спросил Бамба.

Наран, подумав, ответил:

— Если ты будешь хорошо учиться, то, когда подрастёшь, и не такую машину сделаешь!

— А какую, дядя Наран?

— Ещё умнее и сильнее. Она дожди делать будет, бури и суховеи останавливать...

— А разве можно сделать такую машину?

— Конечно, можно, надо только много учиться. Ты сможешь, у тебя всё ещё впереди. А я вот прозевал. Кони меня подвели...

В их разговор вмешался Харцха:

— Не кони, Наран, а время, жизнь. Не смог бы ты тогда учиться, не взяли бы тебя в школу, голодранца. Максим Горький и то вон, говорят, тарелки у богатей мыл, а мы ведь с тобой калмыки. Так что не кони виноваты в твоей беде, а жизнь. Если бы не Октябрьская революция, мы бы до сих пор с тобой батраками были.

Бамба задумался. Откуда его отец всё знает про жизнь дяди Нарана? Да, многое для Бамбы было неясно. Он хотел обо всём этом расспросить приезжего, Николая Ивановича, — тот, видно, про всё на свете знает! — но в это время отец крикнул:

— Бамба, пригони-ка волов! Домой будем собираться.

Бамба бросился в степь за волами. Искал их долго — волы ушли далеко. А когда вернулся, Николая Ивановича уже не застал — он уехал вместе с председателем колхоза.

Отец принялся запрягать волов. А Бамбе не хотелось

уезжать от такой удивительной, такой умной машины. С утра крутился он возле неё и человека, которого все называли механиком. И когда пришло время возвращаться домой, Бамба стал просить отца:

— Папа, можно, я ещё немножко здесь побуду?

Отец с недоумением взглянул на Бамбу:

— Ты что, сынок? Одного тебя оставить?..

Но в это время из машины вылез механик:

— А что, оставь, не пропадёт. И мне с ним веселее будет. А мальчонка смышлёный, пусть приглядывается, что и как.

— Да у нас продукты кончились...

— Хватит нам харча. Дороемся до воды — сам его привезу, я твой кош знаю.

Бамба от радости не знал, как и благодарить механика, а по глазам отца видел, что он почти согласен. И Харцха в самом деле сказал:

— Хочет — пусть остаётся. Только ты, друг, посмотри-вай за ним тут. А привозить его не надо, я сам через день приеду.

РАДОСТЬ

Арба ещё не подъехала к дому, а навстречу ей уже бежал Бембя и кричал:

— Папа, нам письмо пришло!.. — И вдруг заметил, что на арбе нет брата. — А где Бамба?

Видно, Бембя соскучился по брату, и отец поспешил его успокоить:

— Бамба цел и невредим, он у механика копальной машиной управлять учится. Идём-ка лучше письмо почитаем.

Они вошли в кош. Болха, конечно, сразу же спросила о сыне.

— Да цел, цел Бамба! С хорошим человеком оставил я его. Через день привезу. Где письмо-то?

...Харцха долго вертел конверт в руках, всё не решаясь открыть. Да, марок много — видно, ценное письмо. Наконец он осторожно вскрыл конверт и стал негромко читать:

— «Разыскиваемый Вами товарищ Болдырев Иван

Герасимович... проживает в настоящее время...» — Сердце Харцхи забилося радостно. — Болха, жив Иван! Жив! — и стал читать дальше.

В коротком письме сообщался адрес Ивана Болдырева. Оказывается, Иван по-прежнему живёт и работает в одном из колхозов Рязанской области. А далее говорилось о том, что он — отличный механизатор, заслуженный хлебороб...

— Болха, давай скорее бумагу и чернила! Будем приглашать Ивана в гости. Со всей семьёй!

— А приедет ли? Время-то сейчас горячее...

— Приедет! — уверенно сказал Харцха. И стал вспоминать родных Ивана. — Помнится, говорил он, что мать у него дома осталась...

— Жива ли она? — вставила Болха. — Времени-то сколько прошло.

— Был он женат, — продолжал Харцха. — Рассказывал, что сын у него...

Харцха склонился над бумагой и, как школьник, старательно стал выводить букву за буквой. Бембя примостился рядом. Он водил глазами по строчкам, и в глазах его была радость. «Дядя Иван приедет! — думал он. — Вот хорошо! Подарки привезёт, о войне рассказывать будет!..» Дядя Ваня представлялся ему большим, сильным и очень добрым. Он ничего не пожалеет для Бемби. И для Бамбы, конечно, тоже.

Вошли Наран с Бадмой.

— От кого письмо, Харцха? — спросил Бадма.

— Из Рязани... С адресом Ивана!

— Нашёлся наконец?

— Нашёлся! Я ему привет от вас передал. В гости его приглашаю. А понравится у нас, пусть насовсем остаётся.

— Давай приглашай, примем на славу!

Закончив письмо, Харцха прочитал его вслух:

— «Здравствуй, дорогой друг Иван! Долго, очень долго искал я тебя. Думал уже, что и не найду. Думал, что сложил ты свою русую голову за дорогую всем нам Родину. А ты, оказывается, жив-здоров! Если бы ты знал, Иван, как я рад!..»

Дальше шли приветы от родных, от друзей, поклонны родным Ивану и сердечное приглашение в гости.

Прочитав письмо до конца, Харцха спросил:

— Ну как?

Болха даже всплакнула.

— Хорошо написал! Я и не знала, что ты у меня такой писатель.

Чабаны тоже одобрили:

— Сердцем написано... По-дружески. После такого письма обязательно приедет Иван.

— Может, я упустил что? — спросил Харцха.

— Да нет, всё правильно, про всё рассказал.

И тут выскочил вдруг Бембя.

— Нет, не про всё! Про подарки и гостинцы забыл написать! Пусть дядя Иван привезёт мне пряников, больших таких, сладких...

Харцха и чабаны посмеялись вволю.

— Дурачок ты, Бембя. У тебя одно на уме... — сказал Харцха и тут же успокоил сына: — А подарки тебе дядя Иван обязательно привезёт...

И, растроганный, стал говорить об Иване:

— Война — страшная штука. В сорок пятом мы с ним расстались, в Берлине. Чуял я сердцем, что Иван жив. Потому и писал во все концы. А вот почему из Рязани так долго не отвечали, не пойму. Может, уезжал куда? А ведь мы с ним здорово повоевали. Смерть шла рядом, а мы плевали ей в лицо. И вот уцелели. И Родину спасли! Забылись все трудности, все невзгоды войны, а вот добрые дела и слова Ивана не забылись. Скоро снова увидимся с ним...

Потом наступило долгое молчание. Все думали о чём-то дорогом, о чём-то своём, у каждого были свои мысли, свои воспоминания. Человеку полезно иногда побыть наедине со своими мыслями и думами. Счастье и радость были написаны на лице Харцхи. Не высохли ещё слёзы на щеках Болхи. Чабаны долго и аппетитно дымили самокрутками. А Бембя всё смотрел на взрослых и никак не мог понять, о чём это они задумались.

Молчание нарушил Бадма:

— Кто-то, кажется, едет к нам! Слышите, машина шумит?

— Это наш Бамба! — обрадовалась бабушка.

Все прислушались. Да, кто-то подъезжал к кошу. Бембя первым выскочил на улицу. А навстречу ему уже бежал раскрасневшийся, запыхавшийся Бамба:

— Вода, вода нашлась!.. Ур-ра!

Харцху будто пружинной подбросило с места.

— Сынок, где, какая она? Говори быстрее!

— Хорошая! Чистая! Пресная. Я уже пил её. Очень холодная, даже зубы ломит...

— Вот это счастливый день! — воскликнула Болха, и опять на глазах её навернулись слёзы. Она подхватила сына на руки и стала целовать в губы, в лоб, в щёки. Он вырывался, ему хотелось рассказать что-то ещё, а она не выпускала его.

Наконец Бамба крикнул:

— Да, мама, пусти же меня!..

Болха освободила сына, и Бамба, захлёбываясь от нетерпения, стал рассказывать:

— Машина бурила-бурила, а потом из ямы как брызнет вода! Целый фонтан! Я даже испугался. А механик смеётся. Голову под струю подставил, руки. Весь-весь облился. Потом облился и я... А сейчас там ручей уже. В нём даже купаться можно...

Неожиданно вошёл Басанг Церенович:

— Что за шум? Радость какая или горе?

— Радость, радость, Басанг Церенович! Праздник у всех нас! — вышел ему навстречу Харцха. — Письмо вот с адресом Ивана получил...

— Нашёлся? — живо спросил председатель.

— Нашёлся, жив-здоров! В Рязанской области живёт. Скоро к нам приедет.

— Добро! Примем как следует. А ещё какая радость?

— Вода, вода нашлась!

— Да что ты?! Правда?

— Правда, правда! Сын говорит — много воды... чистой, хорошей...

— Вот это радости! — Председатель присел на кошму. — Вот это действительно праздник! Собирай-ка, Болха, на стол! А расходы — за счёт колхоза... Твой муж и сын заработали на праздник. — И он тяжёлой рукой притянул к себе стоявшего рядом Бамбу. — Правда, Бембя?

— Я не Бембя, я Бамба...

— Ну надо же — опять перепутал! Ты хоть бант себе на голову повяжи для отличия. А то подарки дарить будем, а за тебя Бембя вдруг получит.

Все рассмеялись, а Бембя, услышав про подарки, насто-
рожился. Потом тихонько подошёл к председателю:

— Дядя Басанг, и мне подарок дадите?

— Но не ты же нашёл воду... — усмехнулся Басанг Це-
ренович.

Бембя пробурчал угрюмо:

— Они меня не взяли, я просился...

— Успокойся, Бембя, — сказала бабушка и погладила
внука по голове. — Бамба поделится с тобой...

Председатель, увидев, как погрузился Бембя, поспешил
и сам успокоить его:

— Впрочем, Бембя, получишь подарок и ты. Говорят,
ты всё это время очень хорошо следил за овцами...

Бембя сразу же успокоился и повеселел. А через мину-
ту вдруг исчез. Когда Харцха спросил, где же Бембя,
Болха с улыбкой ответила:

— Убежал к овцам. Хочет подарок от Басанга Церено-
вича заработать наверняка.

И все снова рассмеялись.

— Молодец, смывлёный мужик. Лучше поздно, чем
никогда! — сказал председатель.

А Болха уже подавала на стол.

СОБРАНИЕ

Для всех членов колхоза известие о том, что в Хар
Булуке нашлась вода, было огромным событием и большой
радостью. Вода в калмыцкой степи — самое дорогое богат-
ство. А для чабанов вода дороже всего. Будет вода — зна-
чит, будут и отличные пастбища, и корм для скота. Будут
тогда и мясо, и шерсть, и молоко. В дома колхозников при-
дёт достаток. Поэтому в честь открытия воды в Хар Булу-
ке колхозники единогласно решили провести общее торже-
ственное собрание.

На центральную усадьбу, как всегда в таких случаях,
раньше других прибежали мальчишки — народ любопыт-
ный и всезнающий, — а вместе с ними, конечно, Бамба и
Бембя. Братья заняли места поближе к трибуне и с нетер-
пением стали ждать появления взрослых.

Но вот наконец собрались и взрослые. Приехал секретарь райкома и с ним ещё несколько незнакомых людей. Стол накрыли красной скатертью, поставили цветы.

Открывал собрание Басанг Церенович. Он долго смотрел на собравшихся, будто не знал, с чего начать. Но Бамба догадывался: это он от волнения молчит. Кто-то из ребятшек не выдержал и крикнул:

— Чего молчишь? Давай говори!..

По залу прокатился смех. Засмеялся и Басанг Церенович и потом уже начал.

— Товарищи!..— сказал он и повторил: — Дорогие товарищи! Вода, о которой мы столько времени мечтали, в Хар Булуке есть! Пока мы нашли её только в одном месте, но, я уверен, найдём и в других. Вся Харбулукская степь покроется скважинами и колодцами, и мы получим воды столько, что её хватит на тысячи отар, для всех нужд нашего большого хозяйства. На новом месте, в Хар Булуке, мы создадим свою основную базу животноводства. Там в скором времени вырастет благоустроенная ферма, а затем и посёлок.

— Ишь куда хватил — посёлок! — заметил кто-то с места. — Кишка тонка!

Реплика не смутила председателя.

— Да, — согласился он, — может, это и верно, тонка. Но со временем всё сделает найденная в Хар Булуке вода. И я верю, что будет ферма, будет и посёлок!..

Басанг Церенович говорил долго. Он поделился с колхозниками своими планами. А под конец сказал:

— Освоить в короткое время земли Хар Булука — сейчас наша главная задача. И мы её решим, решим обязательно. А солдатами в этом бою будете вы — все члены нашей артели.

— Строить сразу несколько кошар на неизведанном месте, по-моему, рискованно, — бросил реплику один из колхозников.

На это ему ответил секретарь партийной организации седовласый Пётр Христофорович.

— Нам некогда смотреть и ждать, — сказал он. — Я хорошо знаю земли Хар Булука. Они были заброшены из-за недосмотра. Теперь мы за них возьмёмся, и они вернут нам сторицей за наши труды.

Потом на трибуну поднялся Бата Очиров.

— Если разрешите,— обратился он к залу,— я завтра же перееду в Хар Булук со своими отарами. Мы сами построим в Хар Булуке три кошары — на большее пока не хватит воды,— а потом увеличим их количество вдвое и втрое. Главное — забить в землю первый колышек!..

Харцха, до сих пор сидевший молча, тоже поднял руку и попросил слова. Бамбу толкнул в бок соседний мальчишка:

— Отец твой, да? Это он нашёл воду?

Бамба кивнул и стал слушать. А отец сказал очень коротко:

— Я предлагаю вырыть в Хар Булуке артезианский колодец. Раз в степи есть вода, расходы быстро окупятся. Прошу поставить моё предложение на голосование.

И вот поднялись руки. Но сколько их было... Бамба считал совсем немного.

«Не подняли все...— с горечью подумал он, и ему стало жаль отца.— Неужели папа ошибся? Ведь он такой умный...»

А в зале уже шумели, кричали. Особенно выделялись голоса главного бухгалтера и Баты Очирова.

— Рано о таких колодцах думать!

— Дорого! Без штанов останемся!

— Пусть ищет воду машина!..

Но шум оборвал голос Петра Христофоровича.

— А я считаю, что предложение Харцхи дельное. Такой колодец дал бы нам море воды. В скором времени об артезианских колодцах заговорят многие. Это не старший чабан Харцха ставит такой вопрос, а сама жизнь. Ведь в Хар Булуке будет главный наш центр! А рядом, в Ярты, Хурин Сале и других окрестностях, поселятся другие животноводы, воды потребуется очень много...

Секретарю партийной организации возражать никто не стал. Но в решении было сказано — подождать. Зато все, как один, проголосовали за то, чтобы обеспечить хозяйство необходимыми строительными материалами и как можно быстрее завезти их в Хар Булук. К осени там уже должны быть готовы жилые дома для чабанов и школа.

УЧИТЕЛЬ

В степи показался всадник. Он направлялся к кошу. Наран долго смотрел на него, а потом спросил у Бамбы:

— Кто это там едет, сынок, не знаешь?

Бамба всмотрелся.

— Нет, не знаю.

Между тем всадник подъехал ближе, и огромная собака с лаем бросилась к его лошади.

— Ге-ей, Балтык!.. Назад! Не смей! — закричал на собаку Наран.

И пёс, злобно ворча, вернулся к отаре.

Всадник спешил и подошёл к Нарану:

— Здравствуйте, отец.

— Здравствуй, сынок, здравствуй, — сказал Наран. — А ты кто же будешь? Я вроде бы всех здешних знаю...

Незнакомец, слегка покраснев, ответил:

— Учитель я, отец, сын Нармы Шарáева. Детишек буду учить грамоте.

— Сын Нармы, моего друга? А я тебя и не знаю, — удивился старый чабан.

— Да я в городе вырос. У дяди жил, учился... — объяснил сын Нармы.

— Стало быть, отцовская ярлыга не понравилась? — усмехнулся Наран.

Молодой учитель, смутившись, повернулся к Бамбе:

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Семь, — ответил Бамба.

— Значит, будешь моим учеником. Давай знакомиться. Меня зовут Нимя Нармáевич. А тебя?

— Бамба.

— Вот и хорошо, — сказал учитель. — А в школу хочется?

— Конечно, — солидно ответил Бамба.

Подошёл Харцха, протянул учителю руку.

— Так ты, выходит, сын Нармы? Вон как, а я и не узнал. Вишь какой большой и красивый стал! Ты что же, институт или курсы какие окончил?

— Пединститут.

— Правильно. Значит, настоящим человеком уже с детства был. Он, настоящий-то, с детства виден. Ум тоже

...Всадник подъехал ближе, и огромная собака с лаем бросилась к его лошади.

требует закалки. Хорошая плётка, сколько ни держи её в воде, сколько ни носи по жаре или морозу, всегда будет хорошей плёткой.

Вместе они подошли к кошу. Учитель привязал коня, поздоровался с Болхой, стиравшей бельё. Рядом, на кошме, растянулся Бембя: он ел из чашки мясо.

— Плохая привычка — есть лёжа, — сказал учитель.

Бембя поднял голову.

— А если мне так удобнее?

— Вот это и плохо! Не всё удобное надо брать с собой в большую дорогу, — ответил учитель. — Такое вот «удобное» делает человека мягкотелым и нежным. А человек должен быть сильным.

Бембя вытаращил на незнакомца глаза, не поняв, наверное, ничего из сказанного.

— Вы кто будете? — спросила Болха.

— Учитель. Вот пришёл ваших ребят записывать в новую школу.

— А мы их хотим в городскую школу поместить...

— В городскую? Вы хотите учить их в городе? — удивился Нимя Нармаевич. — Так далеко?

— Но у нас же нет школы...

— Будет, обязательно будет! Первого сентября начнутся занятия в Хар Булуке. Непременно!

— Вон как! Значит, Басанг Церенович не зря говорил о школе!

Болха пригласила учителя выпить чашку чая. Тот с удовольствием согласился. Он с самого утра ездит по кошам и сейчас, к вечеру, изрядно проголодался. Учитель вошёл в дом Харцхи.

— Как у вас хорошо, уютно! — воскликнул он.

А в доме и в самом деле было уютно. Недавно Харцха приобрёл полированный шифоньер, радиолу и две деревянные кровати.

Учитель достал тетрадь, и рядом с именами других учеников, которые в этом году должны пойти в новую школу, появились имена Бамбы и Бемби.

Когда Нимя уезжал, на душе у него было как-то светло и легко. «Хорошие люди!» — думал он о Харцхе и Болхе.

Учитель — это очень и очень многое для калмыка. Он нужен в каждом доме, в каждой семье. И Нимя, думая обо

всём этом, почувствовал вдруг, что ему хочется раскинуть руки и, как птица, взлететь ввысь, чтобы оттуда, поднявшись высоко-высоко, увидеть всех людей на земле и то, что они сделали и делают своим трудом.

На земле все люди как люди. Они незаметны и будничны. Но все они — нужные. А ведь если посмотреть на них сверху, они кажутся муравьями. Их даже жалко как-то.

Нет, для того чтобы по-настоящему знать и видеть людей, на них надо смотреть не сверху, а жить среди них и стремиться быть такими же, как они.

«Я — учитель, — думает о себе Нимя. — А учитель должен быть всегда среди народа. Я должен научить детей многому-многому, дать им глубокие знания, научить храбрости, мужеству, вывести их на широкую дорогу жизни, чтобы им легко шагало по ней, легко жилось. Пусть полетят они! Пусть полетят обязательно! Один — в космос, другой — в науку. Третий будет творить добро людям. И если из десятка, из сотни моих будущих учеников высоко-высоко взлетят хоть несколько, значит, моя учёба, моя наука помогла им отрасли широкие и сильные крылья. Учитель — источник знания и ума для многих людей. Ведь дети как воск, и из них можно лепить любые фигуры. Вот и я буду лепить то, что нужно Родине, народу, от чего красивее и богаче станет земля...»

Он ехал по степи, и степь лежала перед ним, как всегда, необъятная и прекрасная, словно огромная люлька, раскачивающая молодого всадника.

ПЕРЕЕЗД

Письмо от Ивана Болдырева пришло через две недели. «Дорогой брат Харцха, — писал Иван, — я несказанно рад, что мы опять встретились! Пусть хотя и не очно, но всё равно встретились. Ведь я тоже думал, что ты где-то в Берлине сложил свою буйную голову. В последние дни войны там особенно было жарко, и враг в предсмертной агонии напрягал все силы. Но жив ты, жив и я. Значит, жизнь продолжается, и нам ещё многое предстоит сделать.

Ты пишешь, Харцха, что у тебя два сына — Бамба и Бембя. А у меня три сына и дочь. Старший — уже жених, средний — в третий класс перешёл, а дочь Наташа — в шестой. Младший, Вася, к первому классу готовится. И ещё скажу — среднего сына я Русланом назвал! Помнишь, под Минском, в окопах, читали мы с тобой «Руслана и Людмилу» Пушкина? Сказал я тогда, что так и назову сына — Русланом! Если вернусь, конечно. Вот и растёт у нас Руслан, который всегда о тебе, Харцха, напоминает.

Ты спрашиваешь, как я живу? Хорошо живу. У нас, на Рязанщине, такие дела творятся!.. Впрочем, в эти дни они всюду творятся. И у вас, как я понял из твоего письма, изо дня в день обновляются степи. Это хорошо! Очень хорошо! Мы не должны топтаться на месте, нам надо вперёд, только вперёд, и для этого мы не должны сидеть сложа руки.

Работал я кузнецом, а потом стал механиком. Работу люблю и дни и ночи пропадаю в мастерских, а в страдные дни посевной и уборочной дома вообще почти не ночую.

Ты, брат Харцха, приглашаешь меня приехать к вам. Спасибо, друг! В гости я обязательно приеду. Вот управимся с делами, и приеду. А насовсем — едва ли. Ведь Рязанщина для меня, как и для тебя Калмыкия, — родина. Тут я родился и вырос, тут родились мои дети...

Мне, дорогой побратим, очень многое хотелось бы тебе написать. Мыслями полна голова. Но я не буду много писать. Да всего и не напишешь. А мы очень скоро должны встретиться. Вот тогда и наговоримся. Обнимаю тебя, брат Харцха, крепко, по-солдатски. Обнимаю и целую. А детям твоим, Бамбе и Бембе, жене Болхе и матери большой от меня привет. Ещё передай приветы всем твоим друзьям и товарищам, всем чабанам широкой калмыцкой степи. До скорой встречи! Твой Иван Болдырев».

Вот и всё письмо. Настоящее мужское письмо, написанное бывшим солдатом. Почти такие же письма Иван посылал с фронтов Отечественной войны. Он тогда тоже не был скуп на слова, но и не страдал многословием. Всё от души, и всё только самое необходимое.

Харцха узнавал Ивана, видел его в каждой строчке письма, в каждом слове. И это радовало его. Значит, не изменился друг. А ведь сколько лет прошло! Это письмо

будто подменило Харцху. Он прятал его в ящик стола, собираясь заняться каким-либо делом, но потом опять подходил к столу, доставал письмо и — в который уж раз! — говорил жене:

— Болха, прочти-ка ещё!

Болха улыбалась.

— Да я его уже почти наизусть помню...

— Всё равно прочти. В этих строчках я слышу голос Ивана.

Болха брала из его рук письмо и снова читала.

Скоро о том, что к Харцхе приезжает из Рязани друг, узнали все чабаны. И все поздравляли Харцху, будто у него был день рождения или родился третий сын.

И ещё вместе с Харцхой радовались Бамба и Бембя. В этот день они ходили друг за другом и без конца спорили.

— Я буду дружить с Русланом,— говорил Бембя.

Бамба не уступал:

— Нет, я.

— Нет, Бамба, ты дружи с Наташей. Ты тихий, тебе только с девчонкой и дружить. А мы с Русланом клад пойдём искать — мы смелые и сильные.

Бамба, как отец, хмурился.

— Ты даже кизяк не умеешь собирать! С тобой Руслан сам дружить не захочет...

— А вот захочет!

— А вот не захочет!

Дело едва не доходило до потасовки, но тут, как всегда, вмешивалась бабушка и разводила братьев. Но вскоре они опять были вместе, и спор продолжался в том же духе.

Вечером к Харцхе зашёл председатель колхоза.

— Значит, письмо от друга получил? — спросил он.

— Получил, Басанг, получил. Очень хорошее письмо! Пишет Иван, что скоро приедет. Вот на, почитай... — Харцха пошёл к столу и достал письмо.

Председатель, прочитав, сказал весело:

— Молодец Иван! Это, Харцха, настоящий друг! Пусть приезжает в гости, примем всем колхозом от души,— и сел на уголок кошмы.— А к тебе я, Харцха, вот зачем...

Харцха присел рядом, ожидая, что скажет председатель.

— Решили мы все коши перевести в Хар Булук...

— Не рано ли? Слышал, что люди на собрании говорили?

— Слышал, Харцха. Но ведь меняется время, изменяются и дела.

— А нельзя ли ещё с месяц подождать? Воды в Хар Булуке пока маловато, на всех овец не хватит.

Председатель пожал плечами.

— Можно было бы и подождать, ты правильно говоришь, но уж очень обеднели здешние пастбища, овцы чуть ли не землю гложут. А там, если коши расположить южнее Гахан Сала, есть участок, который вполне обеспечит кормом не менее шести отар. Вчера ездил туда сам, осмотрел. Хороший участок. И зоотехник согласен...

Харцха всё ещё чего-то побаивался.

— А мы пастбище там не попортим?

— Кошары строятся по северному склону, а овец будем пасти на южной стороне. Ну, как думаешь?

Харцха уклонился от прямого ответа:

— Не знаю. Начальству виднее.

— Но ты ведь старший чабан!

— Я бы, например, подождал. Боюсь, что погубим пастбища.

Председатель умолк, о чём-то сосредоточенно думая, а потом заговорил о другом:

— И ещё вот что, Харцха... Как ты знаешь, строительство в Хар Булуке идёт полным ходом. Строим кошары, дома для чабанов, школу, а рабочих рук не хватает...

— Что же ты предлагаешь, Басанг? Уж не оставить ли мне отару и пойти строителем в Хар Булук?

— Нет, Харцха, не об этом я. Мы решили организовать специальную бригаду из жён чабанов. Пусть они помогут на стройке, поработают штукатурками, малярами...

Харцха рассмеялся:

— А жены-то согласятся?

— Да многие вроде бы согласны.

— Ну тогда моя Болха от других не отстанет. — И тут же спросил: — А как со школой? Ведь сентябрь не за горами. Не останутся ли ребята без школы?

— Не беспокойся, Харцха, строится школа. Можно сказать, уже построена. Под школу нам дали готовый фин-

ский дом. Его привезли, остаётся только собрать. Думаю, для двенадцати учеников вполне хватит!

Опять посидели молча. Покурили. И по тому, что председатель не торопился, как обычно, Харцха понял, что он ещё что-то хочет сказать. И не ошибся. Председатель докурил папиросу и спросил:

— Переезжать-то когда собираешься?

— Куда?

— В Хар Булук, конечно!

— Да хоть сегодня. У меня всё готово.

— Молодец, Харцха! Сегодня не надо, а завтра трогайся. Первому тебе там быть по праву. О поисках воды в Хар Булуке ты первым заговорил. И место, где она должна быть, нашёл. Так что собирайся.

Как только председатель уехал, к Харцхе подошла слепая мать.

— Зачем приезжал Басанг? — спросила она.

— Сказал, что нам пора переезжать в Хар Булук.

Старушка тихо присела рядом и тяжело вздохнула.

— Я, сынок, в Хар Булук не поеду, поезжайте одни.

— Мама, но это необходимо! — вскричал Харцха.

— Не поеду я, сынок. Хар Булук — проклятое место, я лучше здесь умру, а туда не поеду.

— Мама, не одни мы едем, все переезжают.

— Хоть убей, сынок, не поеду.

— Да в чём дело-то? Чем он не угодил тебе, этот Хар Булук? Чудесная степь, трава хорошая, а теперь и воду нашли...

— Тьфу, спаси и помилуй господь, даже близко к этой степи не подойду!

— Но ведь так решил колхоз...

— Оставь меня, сынок, тут с Бамбой и Бембей.

— Твоим внукам учиться надо, а школа будет в Хар Булуке.

— Тогда отправь меня в Дом для престарелых. В Годжуре, сказывали, есть такой дом.

— Мама, о чём ты говоришь? Ты — человек степи, ты здесь родилась и состарилась, ты и дня не проживёшь без неё!..

Старушка склонила голову и заплакала.

— Что же мне делать? Оставь меня здесь, прошу тебя...

Харцху раздражало непонятное упорство матери. Казалось, он, в доказательство своей правоты, выложил все доводы, а она стояла на своём. Он хотел было уйти, но в это время вошёл Наран, а за ним Бамба и Бембя.

— Наран, помоги хоть ты мне...

— А в чём дело? — спросил чабан.

— Да вот завтра в Хар Булук надо ехать, а мать не хочет.

— В Хар Булук! В Хар Булук! — обрадовался Бамба и захлопал в ладоши.

А Наран удивился:

— Почему?

— Не знаю. Упёрлась — не поеду, и всё тут.

Наран задумался. Не впервые замечал он, что старая мать Харцхи о Хар Булуке и слышать не хочет. Она отговаривала их от поездки, когда они впервые собрались туда искать воду. А сейчас ни за что не хочет ехать вместе со всеми. Видимо, неспроста это, что-то связано у неё с тем местом.

Наран присел рядом со старушкой.

— Мамаша, в чём дело, скажите? Ведь Хар Булук скоро станет самой плодородной степью. Там воду нашли!

Бамба подошёл к бабушке с другой стороны.

— Бабушка, почему ты не хочешь ехать туда? Знала бы ты, как там здорово!

Старушка, всхлипывая, концом платка вытерла глаза.

— Вы, наверное, все сговорились... Не хотите считаться со мной...

На другой день её всё-таки упростили сесть на подводу. Она всё время плакала. А когда подводы, до отказа нагруженные домашним скарбом, тронулись в путь, успокоилась и сразу уснула.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Бембе на новом месте, как и его бабушке, не понравилось. Приехав в Хар Булук, побегал он полдня, осмотрел всё вокруг и заскучал.

— Хочу домой!..

Мама улыбнулась.

— Бембашка, так это и есть наш дом, мы здесь теперь всегда жить будем!

— Тут плохо,— захныкал Бембя,— тут пыль одна и кирпичи...

Мать принялась успокаивать Бембю, посулив ему пряников, и отвела к бабушке, которая тоже одиноко и отрешённо сидела в углу недостроенного дома.

— Мама, побудь, пожалуйста, с Бембей, а я побегу в школу, штукатуркой мы там занимаемся.

Да, Хар Булук действительно мало чем мог понравиться не только Бембе, но и любому взрослому человеку. Здесь не было ещё посёлка. Была одна большая строительная площадка, на которой возвышались скелеты недостроенных домов, груды кирпичей, кучи цемента, извести. И повсюду, куда ни ступи ногой, лежала едкая пыль. Она висела и в воздухе, её задувало даже лёгким ветерком в дома, тучей повисала она над крышей школы. И степь не была уже такой цветущей, какой её увидел Бамба в первый свой приезд. Солнцем выжгло буйные травы, степь побурела, высохла, стала пыльной и серой. И Бембя никак не мог понять, почему они приехали в этот противный Хар Булук. Там, на старом месте, он уговаривал бабушку поехать сюда, а здесь, сразу невзлюбив эту степь, детской своей душой почувствовал в бабушке единомышленницу и теперь целыми днями сидел возле неё.

Бабушка по-своему оценила чувства Бемби. Ей казалось, что внук понимает её и жалеет, и она старалась платить ему тем же.

— Бабушка, уйдём отсюда, тут плохо,— жаловался ей Бембя.

Старушка вздыхала:

— Некуда уйти-то, внучек мой дорогой. Стара я уже, а ты ещё мал. Вот был бы ты побольше — я бы ушла с тобой.

— Давай в Элисту уедем, бабушка, там хорошо, весело. Там людей много, и мороженое продают...

Бабушка печально гладила его стриженую голову.

— Стара я, внучек, да и не смогу без степи, в этом твой отец прав.

— Тут плохо, бабунь, только пыль да грязь...

— Потерпи. Люди вон стараются, что-то делают...

А люди и в самом деле старались. Работа кипела. На глазах мальчишек вырастало школьное здание. Откуда-то без конца прибывали машины, привозили строительные материалы, парты... Работали все с утра до ночи. Болха забежит домой на полчаса, сделает всё, что не под силу бабушке, и снова торопится.

— Мам, побудь со мной,— тянет её за руку Бембя.

Но она отмахивается:

— Сынок, некогда! Школу тебе к сентябрю надо закончить. Уже полы красим. Ты бы пришёл посмотрел. Бамба и другие ребята нам помогают, краску подносят, на пол доски настилают...

— Не хочу,— морщит нос Бембя.— У вас там пахнет плохо.

— Вон ты какой барин! Ну тогда сиди с бабушкой, скучай.

— Я в город хочу, в Элисту. Я там хочу учиться...

— Нет, Бембя, в город ты поедешь теперь зимой, когда каникулы начнутся и у нас с отцом время будет.

Она уходила, а Бембя опять оставался с бабушкой.

ПРИЕЗД ИВАНА

Школу построили из двух четырёхквартирных финских домов. Она получилась удобной, просторной, светлой и красивой, хотя многие предрекали, что ничего из сборных домиков не получится. В том, что школа вышла отличной, была большая заслуга женщин. Это они в её строительство вложили сердце и душу, своими заботливыми и трудолюбивыми руками навели в ней красоту и уют. Немало побеспокоился и Басанг Церенович. Большого труда стоило ему достать новые парты, приобрести школьный инвентарь.

Бамба от школы был в восторге. Он с нетерпением ждал, когда откроются двери и он, ученик первого класса, переступит её порог. Он уже любил свою школу, гордился ею. Ведь в её строительстве была маленькая доля и его труда.

Только Бембя оставался равнодушным и к новому поселку и к школе. Поездка в Элисту совсем заворожила его

детскую душу, и все дни, что они прожили в Хар Булуке, он спал и во сне видел большой красивый город.

Как-то Нимя Нармаевич сказал ему:

— Я тебя, Бембя, когда начнём учиться, посажу с братом за одну парту. Вы должны быть в классе самыми примерными учениками.

Бембя скривился:

— А я не хочу с братом, я хочу один сидеть.

Учитель спросил:

— Это почему же? Брат у тебя хороший...

— Всё равно не хочу! — отрубил Бембя. — Я и в школу не хочу ходить...

Эти слова очень удивили Нимю Нармаевича, и он решил как-нибудь на досуге поговорить с отцом и матерью Бембя, а о нём самом подумал: «Какой-то странный мальчик... непонятный и, должно быть, с характером».

Однажды он увидел Бамбу, Бембю и ещё одну девочку возле школы. И обрадовался: ждут, наверное, ребята первое сентября. Девочка всё время пыталась заглянуть в окно класса, вставала на цыпочки и никак не могла дотянуться. Тогда Бамба, увидев это, принёс ей большой камень. Девочка стала на него, обернулась и сказала:

— Спасибо, мальчик. Меня зовут Кермяш. А тебя как?

Бамба назвал себя, а Бембя, услышав её имя, засмеялся. Девочка удивилась:

— Почему ты смеёшься?

Бембя вновь расхохотался, а насмевшись вволю, бросил:

— Ты не Кермяш, а беззубая, вот ты кто!

Девочка обиделась:

— Откуда ты взял, что я беззубая? Вот мои зубы, — и показала ровный ряд маленьких белых зубов.

— Всё равно беззубая, — упрямо повторил Бембя.

Девочка надулась и убежала.

— Зачем ты её обидел? — спросил у брата Бамба. — Она хорошая и добрая, а ты злой и противный...

Бембя показал брату язык и убежал.

Потом учитель видел, как Бамба пошёл к дому, где жила Кермяш, и о чём-то долго говорил с ней.

А говорил с ней Бамба вот о чём.

— Ты обиделась на моего брата? — спросил он.

— Да, он плохой, — ответила она.

Бамбе стало неловко и, чтобы как-то сгладить это, он спросил Кермяш:

— А где ты раньше жила?

— Мы в городе жили,— ответила она.

— А сюда зачем приехали?

— Моя мама окончила техникум, будет в колхозе зоо-техником работать.

— Я тоже в городе был,— похвастался Бамба.— Героя там видел, настоящего.

— Кого? Баатыра? — спросила Кермяш.

— А кто такой Баатыр?

— Баатыр — это и есть настоящий герой. У него на груди Золотая Звезда,— ответила девочка.— Он во время войны много фашистов убил.— И вдруг спросила: — А тебя зовут Бембя, да?

Бамба покраснел, смутился.

— Это его Бембей зовут, а я Бамба...

Теперь неловко стало девочке. Она посмотрела на Бамбу и очень просто сказала:

— А я всегда всё путаю. И вас вот буду путать, ведь вы одинаковые. Только ты хороший, а он плохой.— И снова задала вопрос: — А как зовут твоего папу?

— Харцха,— ответил Бамба.

— А маму?

— Болха.

Кермяш вдруг запрыгала от радости:

— А я твою маму знаю, знаю! Она у нас была, молоко нам приносила. У вас и бабушка есть, да? Она слепая...

Бамба кивнул.

— А у меня нету бабушки. А я бы любила даже слепую. И папы нету, он ушёл от нас. Мы вдвоём с мамой...

Бамбе захотелось подойти к ней поближе, погладить её, пожалеть, но он только сказал:

— Твой папа, наверное, плохой был, как Бембя...— Потом подумал и добавил: — А играть ты приходи к нам, наша бабушка тебя полюбит. Она у нас добрая...

Девочка пообещала, и они расстались.

Когда Бамба подошёл к дому, то увидел, что неподалёку стоит легковая машина. «Наверное, председатель приехал»,— подумал он. В это время из дому вышла незнакомая синеглазая женщина.

«Кто это?» Бамба стоял перед женщиной, красный от смущения. Женщина улыбнулась. Улыбка у неё была добрая-добрая, как у мамы.

— Ну, здравствуй, сынок! Ты Бамба?

— Откуда вы меня знаете? — тихо спросил Бамба. — Нас все путают...

— Я всё-всё знаю, — сказала женщина. — А меня зовут Людмила Ивановна, тётя Люда.

«Тётя Люда?» — хотел переспросить недоумевающий Бамба, но сдержался, а женщина взяла его за руку и повела домой.

— Болха, вот и второй твой сын нашёлся!.. Вылитый брат, как две капли воды похожи!

— Где ты пропадаешь, Бамба? — спросила мама. — У нас гости, а тебя и след простыл!

— Я с Кермяш познакомился, — ответил Бамба. — Она хорошая девочка, а Бембя её обидел...

— Ну вот, опять неладно, — сказала мама. — Иди-ка знакомиться с гостями.

Она подтолкнула Бамбу, и он робко вошёл в другую комнату. Там у стены сидел небольшого роста и тоже синеглазый дядя с орденами на груди, а рядом с ним, такие же синеглазые и русоволосые, девочка и мальчик. Мальчик вскочил, протянул Бамбе руку:

— Давай знакомиться, Бамба! Я — Руслан.

Сначала Бамбе показалось, что над ним шутят. Ведь Руслан — это богатырь из знакомой сказки Пушкина! Но Бамба тут же вспомнил про письмо и от радости засиял. «Так это же дядя Ваня приехал! А его сына Русланом зовут!» Он крепко пожал руку мальчику, а когда повернулся к девочке, то снова застеснялся.

Выручила мама.

— Это Наташа, — сказала она. — А это дядя...

Но тут Бамба опередил ее:

— Дядя Ваня!..

Мужчина поднялся и протянул Бамбе обе руки.

— Правильно, Бамба! Я — дядя Ваня! Ты как — ждал меня?

Бамба вместо ответа только кивнул. И все поняли: ждал, очень ждал!

У Руслана на левой щеке было родимое пятнышко, а

глаза — синие-синие, как у отца. Если бы Бамба хоть раз в жизни видел васильки, он бы их сравнил с этими цветами. Но он жил в степи и васильков никогда не видел.

Наташа была совсем большая. Она, как взрослая, вместе с матерью помогала Болхе подавать на стол тарелки, рюмки, миски с мясом и привезённые из Рязани краснобокие яблоки и грибы.

Отец расспрашивал дядю Ваню об оставшихся дома сыновьях — старшем и младшем, а потом воскликнул:

— Вон у тебя мужчин сколько! Почему же ты их всех не привёз?

Дядя Ваня усмехнулся:

— Решил, что ты испугаешься. Это ведь, друг ты мой, отряд целый. Где бы ты нас всех спать уложил?

Харцха рассмеялся.

— Ай, Иван, смотри места сколько — четыре комнаты! Нашлось бы место!

— А сам бы где улёгся? Семейка-то у нас — шесть человек!

— Сам я и в телеге спать могу. Правда, Бамба? Помнишь, как мы вот на этом самом месте в телеге спали? И хорошо было!.. А ты, Иван, разве забыл, как нам приходилось на фронте? Э, война всему научила — и хорошему и плохому. Мы с тобой теперь как железные стали...

Весть о том, что в семью Харцхи из Рязани приехали гости, за какой-нибудь час облетела всю степь. И со всех кошей к Харцхе потянулись чабаны. Пришёл и старший из чабанов, седовласый Очир Лиджиев. Он свято хранил все калмыцкие обычаи, поэтому сразу же, как только переступил порог дома Харцхи, выбрал из большой деревянной миски, полной мяса, жирную лопатку и среднюю часть ноги барана и поставил перед Иваном, а Людмиле Ивановне подал предплечную кость.

— Самому желанному из гостей, — сказал он, — самому почётному по-нашему калмыцкому обычаю преподносят лопатку, а вам, Людмила Ивановна, супруге дорогого гостя, — вот эту предплечную кость. Это наше самое дорогое угощение.

Иван и Людмила приняли угощение и низко поклонились.

ИВАН ОСТАЕТСЯ

Осенью тяжёлые тучи заволакивают небо. Они нагоняют тоску и скуку. В такую погоду хочется спать, и лень непрошеной хозяйкой заходит в душу. И Бембя, если бы не школа да не уроки, спал бы целыми сутками напролёт. Он теперь очень завидует бабушке: ей хорошо, ей не надо вставать утром в школу, не надо учить уроки. А ему, Бембе, мать с отцом всё время долбят в голову одно и то же:

«Учись у Бамбы, спроси у Бамбы, смотри, как Бамба хорошо выучил уроки...»

Ох этот Бамба! Без него как бы легко было! Не с кем было бы сравнивать, некого было бы в пример ставить.

Разные мысли приходят Бембе в голову. «Убежать в город, что ли? Пойти в другой колхоз и наняться в чабаны? Тогда сам себе хозяин...» Но Бембя смотрит в окно на улицу, где холодно и сыро, и по спине его начинают бегать мурашки. «Б-р-р... Дома лучше, дома теплее. Вот только школа и уроки...» Он подходит к бабушке — одна она только любит его и понимает — и ложится рядом с ней.

— Устал, внучек?

— Устал, бабуня.

— Ну полежи, отдохни.

И они подолгу лежат рядом.

Бабушка, с той поры как семья Харцхи переехала в Хар Булук, стала в доме будто чужая. Она теперь всегда хмурая, как это осеннее небо, и молчаливая, как луна. Раньше она была за главную хозяйку — готовила обед, хлопотала по дому, а сейчас будто рукой сняло с неё всё; день пройдёт, а она никому ни полслова, ни слова. Разве только с Бембей поохает. А с Бамбой она словно чужая.

— Бабуня, тебе плохо? Болит что-нибудь? — спрашивает Бамба.

А бабушка и не отвечает. Точно воды в рот набрала.

Подойдёт отец:

— Мама, что с тобой происходит?

Нет ответа.

Невестка присядет, обнимет за плечи:

— Мама, почему ты всё время молчишь?

И снова в ответ молчание.

Семья Харцхи всегда была шумная и весёлая. Когда приехал Иван Болдырев, в доме стало ещё веселее. Только слепая бабушка одиноко сидела в своём углу и у всех вызвала озабоченность.

Не прошло это и мимо Ивана Болдырева. Он сразу же заметил состояние старушки и как-то сказал Харцхе:

— Что это, брат, мать твоя от нас уединяется?

Харцха не знал, что и ответить на его вопрос.

— Старая она, вот и причуды у неё разные...

Но Иван не унимался:

— Нет, у неё какая-то скорбь на душе, чем-то она мучается. Попытался я беседовать с ней, но она не открывается. Узнай, Харцха, ты сын всё-таки...

Чудесный человек Иван! Приехал в отпуск отдохнуть, повидать друга, вспомнить о пережитом, а погулял день — и сразу же в мастерскую подался. И трактор ему надо было осмотреть, и автомашины. И всюду он находил непорядок. Очень уж любил своё дело Иван. Харцха обычно сопровождал его.

— Да как же вы можете, Харцха, ездить на такой машине, она же на полном износе! Её давно в ремонт пора списать! — восклицал Иван.

— У нас три машины, — пытался неловко оправдаться Харцха.

— Тем более все они должны быть на полном ходу. Кто у вас механик?

— Нету у нас механика, — хмурился Харцха. — Каждый сам себе инженер.

— Плохо, — огорчился Иван. — За машинами, как и за человеком, наблюдение и уход нужны. А у вас они отданы на откуп любому.

— А что поделаешь? Две машины ремонта требуют, а поставить их на ноги некому — нет специалистов.

Иван удивился:

— Как это некому? Кто же у вас занимается машинами?

— Да вроде бы никто...

— Безобразие! — стукнул Иван кулаком по столу. — Да сегодня машины — основное в нашей жизни, как вы этого не понимаете!

На другой же день Иван снова пошёл в мастерскую,

На другой же день Иван снова пошёл в мастерскую...

хотя мастерской назывался один только навес под саманной крышей, и пробыл там до вечера. А вечером вернулся сердитый, грязный.

— Ну и дела...— сказал он Харцхе.— Куда только ваш председатель смотрит? Почти новые машины ржавеют под солнцем и ветром, приходят в негодность.

— Нету специалиста,— опять развёл руками Харцха.

— А молодёжь? Почему вы не учите молодых?— вспылil Иван.— Они же все сегодня грамотные и лучше нас с тобой поймут технику. У нас бы в колхозе за такие вещи строго осудили.

— Помогите, Иван,— сказал Харцха.— Помогите опытом, своими знаниями. Научите наших ребят — большое спасибо тебе за это скажем.

— Как? И когда? — удивлённо взглянул на него Иван.— Я же у вас ненадолго, в отпуске.

— А ты подумай. Из всякого положения есть выход, а твоя помощь нам очень бы пригодилась.

— Ну что ж,— быстро согласился Иван.— Раз надо — помогу.

И с утра до вечера он стал пропадать возле машин. Сколотил группку молодых ребят и вместе с ними ставил на ноги захромавшие тракторы и автомашины.

На это обратил внимание председатель. О, Басанг Церенович очень хитрый и умный человек! Как-то встретил Ивана и, начав издалёка, спросил:

— Иван Герасимович, как тебе наша Калмыкия? Нравится или нет?

— И нравится, и нет,— ответил Иван.

— Это как понять?

— Калмыкия-то нравится, а вот в хозяйстве вашем порядка нет! Не нравится мне это.

— В каком хозяйстве?

— В механизаторском.

— О Иван Герасимович, согласен, полностью согласен! Но учти, какой может быть порядок, если у нас нет механика?

— Найдите и научите.

— А где его найти? И кто научит, если ни один из нас не разбирается как следует в технике?

— Плохо,— сказал Иван.

— Конечно, плохо,— согласился председатель.— Но как найти выход?

Иван ничего не ответил, а утром снова был у машин. Он своими руками отремонтировал трактор, две грузовые машины, землечерпалку. А когда собрался уезжать, председатель сам пришёл в дом Харцхи.

— Иван Герасимович,— сказал он,— ты пробыл у нас недолго, но сделал много. Спасибо тебе! Теперь ты друг не только одного Харцхи, а всего нашего колхоза. Жаль только, что у тебя своя родина и семья, а то бы я тебя ни в жизнь не отпустил.

— Почему?

— Такие люди, как ты, нам очень и очень нужны. Такие, как ты,— на вес золота. У тебя, вижу, большой опыт, большая практика, знания. А у нас вот нет таких специалистов. Отсюда и все беды наши.

— Учите людей,— сказал Иван,— выдвигайте молодых.

— А кому учить? Нету у нас учителей. Вот, может, ты останешься, научишь?

— Я? — Иван пожал плечами.— Но вы же сами сказали, что у меня родина есть! У меня — моя Рязанщина! Там меня ждут, там я нужен.

— А разве Калмыкия — не Россия? Тоже Россия. Только нет в колхозе таких людей, таких специалистов, как в Москве, Омске, как в Рязани. И это плохо. Земли у нас не хуже, чем в других местах. И люди рвутся к делу. Но вот видишь, на всё хозяйство — ни одного механика...

— А кто виноват? Вы же сами и виноваты...

— Нет, Иван Герасимович, мы только становимся на ноги. И начинаем всюду, как в Хар Булуке, от колышка. А люди только-только начали учиться делу.

— Что же вы предлагаете? — спросил Иван.

— Оставайся у нас,— просто и откровенно сказал председатель.— Мы тебе предоставим всё...

— Не могу,— отрезал Иван.— Человек где родился, там и жить должен.

— А здесь, значит, чужбина?

— Ну, какая уж тут чужбина...

— Так в чём же дело? У нас в стране для человека родина там, где он нужнее. А ты — отличный механизатор.

У вас, на Рязанщине, специалистов и без тебя хватает. Мы тебе такой дом тут построим... На самом лучшем месте!

— Спасибо, большое спасибо,— сказал Иван.— Но ведь у меня там ещё двое ребят. Один, правда, большой уже. А другие-то — школьники! А у вас учат на калмыцком языке. Не осият они его...

На том и расстались. Но вечером Иван сел писать письмо домой; потом долго беседовал с Людмилой Ивановной. А утром к нему опять зашёл председатель:

— Ну как? Ничего не надумал?

— Надумал,— протянул ему руку Иван.— Побуду у вас ещё с недельку, потом съезжу домой, улажу с ребятами... и сообщу своё решение.

У председателя лицо — сплошная улыбка.

— Вот это по-нашему, по-калмыцки! Я этого и ожидал! А насчёт жизни здесь и заработка — не обидим тебя! И Людмиле Ивановне найдём место...

Через неделю Иван уехал, оставив у Харцхи жену и детей.

— Если ничего не выйдет, Харцха,— сказал он,— отправишь их тогда в Рязань сам. А улажу дела — приеду. Но перед выездом я тебе напишу.

* * *

Письмо от Ивана пришло неожиданно скоро. Он сообщал, что из колхоза его, хотя и неохотно, но отпускают, а дети, старший и младший, останутся пока с бабушкой.

И через месяц Иван Болдырев снова был в Калмыкии. Вот тут-то в семье Харцхи и произошла непредвиденная перемена. Как-то уж так получилось, что Бамба всей душой привязался к дяде Ивану. Утром он вместе с ним и Русланом уходил в мастерскую, помогал промывать в солёрке замысловатые детали, бегал к колодцу за водой. А Бембя оставался дома. Он по-прежнему почти не отходил от бабушки, и беседовала она только с ним. О чём? Об этом знал лишь один Бембя, но о своих разговорах с бабушкой он никому не рассказывал. К переезду Ивана бабушка осталась равнодушной. И Иван однажды спросил Харцху:

— Послушай, Харцха, а не обижается ли на нас о Людмилой твоя мать?

— Откуда ты взял? — удивился Харцха. — За что она может на вас обижаться?

— Да что-то уж больно хмурая она и сердитая. А может, болеет?

— Нет, она здорова, а обида у неё только на меня...

Теперь удивился Иван:

— За что же это?

— Не хотела, чтобы я в Хар Булук переезжал. Секрет у неё есть какой-то, а какой — никто не знает. Не любит она эту Харбулукскую степь, что-то у неё с ней связано в жизни тяжёлое.

— Интересно. А ты не пытался узнать? — спросил Иван.

— Пытался. Да только разве она расскажет? Сидит целыми днями и молчит. Вот Наран, должно быть, кое-что знает, но он связал себя перед матерью честным словом и тоже молчит.

Наран по вечерам, вернувшись с отарой, приходил в дом Харцхи пить чай. Бамба, Руслан и Наташа встречали его всегда с радостью. Раз пришёл дядя Наран, значит, опять расскажет что-нибудь интересное и занимательное. Ведь он столько всего знает! Руслан зовёт его дедушкой. Наран только ещё допивает третью чашку, а он уже дергает старика за полу:

— Дедушка, мы ждём тебя.

Наран дует на горячий чай и улыбается:

— Вот Кермяш придёт, я и расскажу вам сказку.

Бамба не выдерживает. Он выскакивает из дому, мчит-ся к Кермяш, тянет её за руку.

— Пойдём, дядя Наран без тебя не хочет сказку рассказывать, — говорит он.

Кермяш спрашивает у мамы разрешения, и они убегают. Мать вдогонку кричит:

— Кермяш, только ненадолго!

— Знаю, мама, одну сказку послушаю!..

Но, заслушавшись дядю Нарана, она уходит не торопится. Да и Бамбе не хочется её отпускать — за последнее время они так сдружились, что почти всегда вместе.

— Мама, пусть Кермяш ночует у нас,— просит он.

Болха не соглашается:

— Нет, её мама будет беспокоиться.

И Бамба с Наташей и Русланом идут провожать Кермяш. Всем вместе веселее.

В коше Харцхи свет горит до полуночи. Женщины готовят к утру завтрак для ребят и для взрослых, стирают и гладят рубашки, проверяют школьные сумки: всё ли дети собрали на уроки, не забыли ли чего. Бабушка тоже занята — шьёт внукам белые рубашки.

— Белые рубашки очень маркие,— говорят ей.

А старушка не соглашается.

— От белой рубашки,—отвечает она,—и дорога бывает белая.

С того времени, как дети пошли в школу, бабушка будто немного повеселела. Она чаще стала вступать в разговоры, опять начала хлопотать по хозяйству, а по утрам сама собирала и провожала детей в школу. Ребята к этому привыкли. И Бамба утром спит напропалую, зная, что бабушка его обязательно разбудит. И не ошибается. Как только лучи солнца доберутся до двери, он слышит тихий голос бабушки:

— Бамба, Бембя, вставайте! Уже пора...

Близнецы с трудом продирают глаза — ах, как бы хорошо поспать ещё часок! — и торопятся к умывальнику. А Наран и Бадма уже выгоняют отару в степь.

— Ну, герои, как наука? — хлопаёт их по спине Наран.— Поддаётся?

Бембя сердится, не отвечает, а Бамба тоже шутит:

— Я уже знаю, сколько будет шестью шесть!

— Ну и сколько?

— Тридцать семь! — выпаливает он.

Бембя не понимает шутки и сердито оборачивается к брату:

— И не тридцать семь, а тридцать шесть...

Бамба хохочет, смеётся и дядя Наран.

Но тут раздаётся голос бабушки:

— Бембя! Бамба! Пора завтракать!..

Рано вставать Бамбе не хочется, но учиться очень интересно. Он первым ~~входит~~ в класс, садится за парту и с нетерпением ждёт, когда появится учитель. Сегодня Нима

Нармаевич расскажет им что-то новое, чего они ещё не знали.

Бембя учился не хуже других, но особенного рвения к учёбе у него не было. Если Бамбе всегда хотелось заглянуть на одну-две страницы вперёд — а что там? — то Бембя, замечая такое, говорил:

— А нам это не задавали!

Стихи Бамба заучивал почти сразу. Прочтёт два-три раза и уже может свободно рассказать их. Бембе для этого приходилось тратить почти полдня. И он до слёз злился на брата: тот уже выучил все уроки и гуляет на улице с Русланом и Кермяш, а ему, Бембе, надо сидеть за столом и зубрить.

Болха объясняла это плохой памятью Бемби. Харцха не соглашался:

— А по-моему, лентяй наш Бембя и равнодушный какой-то. Почему он отказывается, когда Бамба предлагает свою помощь?

— Обидно ему и стыдно, наверное...

— Больше знать и хорошо знать — не обида и не стыд. А Бембя — себялюбец и завистник. Не отпускай его гулять, пока не выучит назубок все уроки!

Бембя до вечера корпел над уроками, а когда мама ласково говорила ему: «Вот и хорошо, сынок, а теперь иди погуляй», он, наперекор ей, шёл не на улицу, а к бабушке.

«Пусть Бамба гуляет, — со слезами на глазах думал он, — они его любят и хвалят...»

Бабушка прижимала к себе его голову и, как могла, успокаивала. И Бембя через полчаса уже спал.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Русские друзья в жизнь Бамбы внесли много нового, чего он не знал и не мог узнать от мамы и бабушки. Правда, об этом, наверное, знал его отец, Харцха, но у него почти совсем не было свободного времени, чтобы побыть наедине с сыновьями. Зато Наташа и Руслан постепенно открывали для Бамбы другой, очень интересный мир, рассказывали о другой жизни.

Когда дядя Иван подал заявление о вступлении в колхоз и правление решило построить ему дом и бесплатно выделить корову, Бамба радовался не меньше отца и матери. Ему очень не хотелось, чтобы дядя Иван, Людмила Ивановна, Наташа и Руслан уходили от них, но он знал: так им будет лучше. И первым прибежал на площадку, где начали строить новый дом для семьи дяди Ивана.

— Дядя Ваня, я тоже буду помогать вам строить дом! — радостно сообщил он.

— Ну-ну... В крепком кулаке и мизинец к делу, — улыбнулся Иван. — Давай, Бамба, помогай...

Взрослые носили кирпичи на носилках. Для ребят носилки оказались слишком тяжёлыми. Но ведь кирпичи можно подносить и поштучно! За один час — тридцать кирпичей. А за два?.. За три?.. А сколько кирпичей получится, если их будут подносить все четверо: Бамба, Наташа, Кермяш и Руслан? Для раствора цемента и извести необходима вода. Взрослые привозили её в бочках. Но ведь воду можно доставлять и в бидонах, и в вёдрах, если нести ведро вдвоём. А воды на стройке требовалось много. Потом надо было кому-то убирать и мусор. А его за день столько накапливалось!..

В минуты коротких передышек Наташа рассказывала Бамбе о своём доме на Рязанщине.

— У нас там в палисаднике росли берёзы и липы, — вспоминала она. — Летом, как зацветут липы, столько к ним слеталось пчёл!.. Сидишь на траве, а они летают, летают, и такой вокруг гул стоит, будто музыка играет. А от цветов мёдом пахнет... Вот поедем летом к нам на каникулы, сам всё увидишь.

Иногда к их компании присоединялся и Бембя. Он тоже с интересом слушал рассказы о Рязани, о русской природе, о красивой и широкой реке Оке, по которой плавают каргоходы и баржи. Но почему-то эти рассказы не вызывали в нём удивления и любопытства. Сначала, казалось, Бембя слушал, как и все. Потом интерес у него остывал, и он, чтобы перебить Наташу, вставлял:

— А у вас там нету верблюдов! Что, нету ведь, верно?

— Да, верблюдов у нас нету, — соглашалась Наташа. — Зато у нас есть соловьи. Ты не слышал, как они поют?

— Это что, они вместо верблюдов у вас, да?

Бамба и Наташа хохотали, а Бембя недоуменно таращил на них глаза: «Чему они смеются? Что такое соловьи? Если это такие верблюды, то почему они поют?» — и злился. А Наташа принималась объяснять:

— Соловьи — это птички такие. Маленькие, серые. А поют они как настоящие певцы. Проснёшься утром рано-рано, а они на все голоса заливаются, прямо целый оркестр! Так бы сидела всю жизнь и слушала.

— Подумаешь! А у нас жаворонки не хуже твоих соловьёв поют, — не сдавался Бембя.

— Ещё у нас пескари и व्यюны в ручье есть, — вставлял свой Руслан, чтобы хоть как-то утихомирить спорщика. — Мы их руками и корзинками ловили. Взбаламутим ногами воду и шарим руками по дну...

— А они не кусаются? — испуганно спрашивал Бембя.

— Кто? व्यюны? Да у них и зубов-то нет. А вот раки кусаются. Ох и больно!..

— Не кусаются, а щиплются, — поправляла брата Наташа. — У них зубов тоже нет, а вот клешни есть...

Бембя никогда не слышал, что такое раки, но из гордости спрашивать о них не хотел. Он отходил в сторону и мучительно думал, чем бы этих рязанских удивить. Что есть в Калмыкии и чего нету у них в Рязани? И вдруг вспоминал разговоры отца с Иваном.

— А у вас зато сайгáков нету! А у нас вон их сколько!..

Наташа улыбалась, не собираясь больше спорить с Бембей. А он вдруг вскакивал, кричал:

— А у нас скорпионы есть! А у вас нету, нету, нету!.. — и убегал.

Наташа пожимала плечами и, махнув рукой, говорила:

— Приступим к работе.

Короткая передышка кончалась, маленькие строители снова носили воду, подавали взрослым кирпичи, извёстку, убирали мусор. А потом вместе со всеми обедали, обжигаясь большими кусками горячего мяса, и пили душистый калмыцкий чай.

ТАЙНА БАБУШКИ

Бабушка очень медленно и тяжело привыкала к жизни на новом месте. Казалось, что Харбулукская степь легла поперёк её сердца и никак не могла найти для себя даже маленького уголка. Невестка видела это и постоянно тревожилась состоянием свекрови. Этой тревогой она делилась с мужем:

— Нет, Харцха, я не могу больше так жить. Может, она больна и давно пора ~~вызвать~~ врача? Она будто боится здесь чего-то...

— Ты права, Болха, — соглашался он, — мать действительно больна. Но у неё, кажется, особая болезнь. Тут помощь врача бесполезна.

— А что же у неё за болезнь такая? — не понимала Болха.

— Тайна есть у неё какая-то, и она мучительно скрывает её от нас. А это хуже душевной боли.

— Какая тайна? — шёпотом спрашивала Болха. — Какая-нибудь страшная?

— Не знаю, — отвечал Харцха, — но узнать надо.

О загадочной тайне бабушки прослышал и Бамба. Он не стал строить особых расчётов, а однажды прямо спросил:

— Бабушка, у тебя есть тайна, да? Она секретная?

Старушка промолчала. Бамбу это огорчило. «Не хочет рассказывать, — подумал он. И тут же решил: — Но я всё равно узнаю...»

Как-то Бамба пришёл из школы и весело поспешил бабушке навстречу.

— Бабушка, а нам сегодня учитель знаешь про кого рассказывал? Про богача Шонтаева!.. Он как раз тут жил, где мы сейчас живём.

Бабушка внезапно побледнела.

— Тьфу, тьфу, и не вспоминай про этого человека! — вскричала она.

— Почему? — удивился Бамба.

— Говорю тебе, не вспоминай про него!

— Почему, бабуня? Ведь он давным-давно тут жил...

И вдруг бабушке стало плохо. Она медленно опустилась на пол и повалилась на спину.

Испуганный Бамба выбежал из дому и закричал. На крик прибежали Наран и Болха. Они вдвоём подняли бабушку и уложили на кровать. Прибежал с улицы и Бембя. Увидев бабушку в таком состоянии, он громко заревел.

А бабушка, полежав немного, очнулась и стала ртом ловить воздух, задыхаясь.

— Наран, скорее за врачом! — крикнула Болха, а Бамбе приказала: — Беги отца позови.

Старушка, как только услышала о враче, взмолилась:

— Не надо, не надо врача!.. Я... я... — И опять голова её упала на подушку.

Так, почти не двигаясь, она пролежала до самого вечера. А вечером к жонгу Харцки подкатила «скорая помощь». Женщина в белом халате вышла из машины и спросила у Болхи:

— Где больная?

— Пойдемте...

Они вошли в дом, вывели на улицу всех мужчин, и врач принялась внимательно осматривать бабушку. Болха с нетерпением ждала результата. Наконец врач сказала:

— Странно... Старушка-то, в общем, здорова. И сердце у неё нормальное, несмотря на такой преклонный возраст. Не могу понять, в чём дело.

Она снова наклонилась к больной, опять начала её простукивать, простучивать и, закончив, вновь удивилась:

— Всё в норме.

И тут подняла голову бабушка.

— Я не больна, дочка, — тихо сказала она, — это у меня от... от испуга.

— От испуга? Кто же вас напугал? И чем?

Болха недоумённо смотрела то на врача, то на свекровь, не зная, что и сказать.

— Кто же её так напугал? — строго спросила врач.

Болха беспомощно развела руками:

— Не знаю... Когда маме стало плохо, дома никого не было.

Тогда врач вновь наклонилась к старушке:

— Кто напугал вас, скажите.

Бабушка чуть шевельнула губами:

— Шонтаев Джалджи...

— Кто такой этот Шонтаев? — И врач снова посмотрела на хозяйку.

Теперь побледнела и Болха.

— Я сейчас позову мужа, он знает.

Вошли Харцха и Наран.

— Кто такой Джалджи Шонтаев? — так же строго спросила Харцху врач. — Больная уверяет, что этот человек её напугал.

— Кто? — не понял Харцха. — Шонтаев? — И вдруг, не удержавшись, рассмеялся: — Да этот человек знаете когда жил? Ещё до революции.

И он рассказал врачу всё, что знал о богаче Шонтаеве.

— Странно, — выслушав Харцху, сказала врач. — Но какая-то связь тут есть...

Она выписала лекарства, дала необходимые советы и, пообещав на следующее утро навестить больную, уехала.

А бабушке наутро стало лучше. Она проснулась вместе со всеми, поела, сама оделась и вышла на улицу.

— Мама, — испугался Харцха, — может, тебе ещё полежать надо?

Старушка покачала головой. И вдруг спросила:

— А где Бамба?

— Бамба в школе...

— Ах да, я и забыла!..

Она села на табурет, чтобы погреться на утреннем солнышке.

А как только Бамба и Бембя прибежали из школы, она позвала их и спросила:

— Что вам рассказывал о Шонтаеве учитель?

Бамба удивился её вопросу и даже испугался. «Сейчас ей опять будет плохо», — подумал он, а Бембя сказал:

— Он говорил, что это был злой и очень богатый человек, что у него было много овец и лошадей, денег и воды...

Дальше Бембя, наверное, забыл, что ещё рассказал о Шонтаеве учитель, но Бембю выручила только что прибежавшая Кермяш.

— Наш учитель сам мало знает о богаче Шонтаеве, — сказала она, — и он велел расспросить о нём взрослых. Он хочет знать о Шонтаеве всё-всё...

— Зачем? — спросила бабушка.

— Не знаю, — ответила Кермяш.

Бабушка долго молчала, долго о чём-то мучительно думала и вдруг сказала:

— Бамба, позови сюда отца и мать, и вы все сами оставайтесь. Я буду говорить вам о богаче Шонтаеве, а вы хорошенько запомните всё и расскажите завтра о нём своему учителю. Пусть об этом изверге знают все. Я не хочу теперь, чтобы его тайна ушла со мной в могилу. Пусть люди вечно проклинаят этого изверга! Пусть не будет ему покоя и на том свете!..

Когда все собрались, заглянула и Людмила Ивановна.

— Оставайся и ты,— сказала бабушка,— друзьям об этом тоже бы надо знать.

И она тихо повела свой рассказ о свирепом богаче Шонтаеве.

— Беспощаднее Шонтаева не было человека в нашей степи,— начала бабушка.— В этой местности он был хозяин. И тот, кто становился на его дороге, уходил раздавленным в землю. Люди проклинали Хар Булук, убегали от этой степи подальше. Однажды прокляла Хар Булук и я и дала клятву никогда больше не возвращаться сюда и даже не вспоминать об этом месте. Но клятву свою я не сдержала. Я не хотела вспоминать о Хар Булуке, но мне то и дело напоминали о нём. Я не хотела возвращаться сюда, но меня привезли... А теперь... теперь слушайте. Слушайте все... Я всё помню и всё вижу, хоть и слепа...

Бабушка замолчала, закрыла ладонями глаза, и Бамбе вдруг стало жалко её до слёз. «Почему она, такая хорошая, такая добрая,— и слепая? И что она хочет рассказать о Хар Булуке и о Шонтаеве? Что она знает?»

А бабушка отвела от лица ладони и продолжала свой рассказ....

Вот что в тот день узнали Бамба и Бембя.

Все несчастья бабушки начались отсюда, с Хар Булука. Ровно сорок лет назад в этой степи их бабушка лишилась глаз, и солнечный ясный день превратился для неё в сплошную ночь. Не стало с того дня для неё ни высокого голубого неба, ни простора весенней калмыцкой степи с цветущими тюльпанами и голубыми ковылями. Сорок лет жизни в мрачной темноте! Где найти такую мерку, чтобы измерить её горе? Где те весы, чтобы взвесить её муки, её отчаяние? Она тогда была молода, но молодость

стала не радостью ей, а тяжёлой ношей. Она хотела наложить на себя руки, но был маленький Харцха, отец Бамбы и Бемби. Она хотела уйти на край света, чтобы унести с собой эту чёрную муку, но куда могла уйти слепая и неграмотная батрачка? Однако она нашла в себе силы и ушла. Пусть не на край света, не за тридевять земель, но на новом месте она больше не слышала этого проклятого слова «Хар Булук».

Говорят, чужое горе измерить легче, чем своё. В этом есть доля правды. О чужом горе можно позабыть за одну ночь, а о своём помнишь и печалишься всю жизнь. Свое горе горше морской воды и глубже океана. Вот уже сколько лет, как в калмыцкие степи пришла Советская власть. Она принесла людям свободу и счастье, а старая слепая женщина всё ещё носит с собой своё горе. Она не могла видеть лица людей, но лучше любого зрячего видела, что новая власть, новая жизнь, как окна в мае, распахнула и расцветила души людей. И только она, бывшая рабыня богача, так и осталась рабыней собственных мук.

Да, её, теперь уже старую женщину, жалели, уважали, утешали добрым словом. Но ведь жалость и утешение подчас хуже жестокости. Их не выдерживает даже сильный. А она всегда была слабой женщиной. И особенно когда ослепла...

Она с семи лет работала у богача Шонтаева. Вместе с отцом. Отец возил воду, топливо. Она, семилетняя девочка, помогала ему, как могла. Шонтаев имел двенадцать табунов лошадей и десятки отар овец. У него было много батраков, и каждый гнулся перед богачем в три погибели.

О том, что в России свершилась Октябрьская революция, в степи узнали от сына Шонтаева, тупого пьянчужки.

Однажды он прискакал в Хар Булук с отчаянным криком: — А́ака мой! (Так он называл своего отца.) Пропали мы!.. Пропали!.. В Петрограде совершилась революция, и к нам уже едут большевики! Они везут батракам власть и богатство, а нам — смерть!

Шонтаев давно слышал о большевиках, но он и не думал, что они когда-нибудь придут в калмыцкие степи. И поэтому, узнав от сына страшную новость, он весь налился кровью, а глаза его от злобы готовы были выскочить из орбит.

— ...Я скоро вернусь, я разделаюсь с вами!..

— Где, где большевики? — вскипел он. — Давай сюда моё ружьё и плеть!

— Аака, их много, и они уже в Элисте! Они отбирают у богатых имущество, землю и деньги и отдают батракам...

— Землю? Деньги?..

И тут только Шонтаев будто отрезвел: он вспомнил про своё золото. Значит, они отберут у него и золото? Всё, ради чего он жил, ради чего истязал людей?! Ну уж нет, золота он большевикам не отдаст!

И Шонтаев приказал сыну:

— Собирай всё золото — и на коней! А там посмотрим ещё, кто сильнее!

Но сын испугался его приказа. Золота у них было так много, что сразу двоим его не увезти.

— Мы не осилим этого, Аака, — сказал он отцу. — А если нас поймают с золотом, они снесут нам головы.

— Пусть я лучше потеряю голову, чем моё золото, — угрюмо пробурчал Шонтаев. — А ты не сын мой, а трус...

Он схватил плеть и с силой опоясал спину сына. Тот взвыл от боли и больше приказам отца перечить не решился.

Они запрягли лошадей в телегу. Об их готовящемся бегстве узнал народ; батраки стали кучками собираться у дома. Никто из них ещё не знал о свершившейся революции, и они не понимали, что задумал хозяин. А Шонтаев лютовал.

— Что, скоты, радуется?! — кричал он, размахивая плетью. — Но я скоро вернусь, я разделаюсь с вами! Большевиков не дождетесь...

Потом ему показалось, что батраки не боятся его и хотят отнять золото. Он испугался и, изменив своё решение, приказал сыну:

— Будем прятать золото здесь! Пусть оно лучше останется в земле, чем попадёт в руки этим собакам!

Те, кто работал у богача Шонтаева, знали о золоте. Одни говорили, что у него три слитка, другие твердили, что больше. Ходили разговоры и о том, что будто бы первый слиток изображает самого Шонтаева, второй — его коня с седлом, а третий отлит в виде Бурхан-Бакиши — Будды. Но правда это или нет, никто не знал, от батраков золото держали за семью замками.

Чтобы работники не видели, куда будут прятать золото, Шонтаев приказал всем лечь навзничь и закрыть глаза.

— А кто откроет,— пригрозил он плетью,— пусть пеняет на себя.

Бабушке Бамбы и Бемби очень не хотелось ложиться, но приказ хозяина был для неё законом. Легла и она рядом с другими. Шонтаев прошёлся по рядам.

— Плотнее закройте глаза! Тому, кто откроет хоть краешек, непоздоровится!..

Молодая была тогда бабушка, а молодость всегда любопытна. Она слышала тяжёлые и торопливые шаги двух мужчин и думала: «Куда же они богатство носят?» Не удержалась, открыла глаза. И в это время кто-то будто огнём хлестнул по ним.

— Ой, мама, больно!..

Она вскочила, закружилась от невыносимой боли и в ужасе вдруг поняла, что свет для неё померк, померк навсегда.

— Ой, мама, горе мне, горел!..— и, упав на пыльную дорогу, забилась раненой птицей.

Джалджи Шонтаев ударил её по глазам восьмихвостной плетью, и для неё на всю жизнь наступила темнота...

Слепая старуха закончила свой страшный рассказ. Все сидели молча, подавленные тем, что услышали. Молчание прервал Харцха.

— Мама, сколько лет было тогда мне? — спросил он.

— Полтора года, сын мой.

— Почему ты ни разу не рассказывала об этом?

— Зачем? Мне хотелось одной заглушить своё горе, а у вас и без меня были дела и заботы.

— Поэтому ты и не хотела ехать в Хар Булук?

— Да, сын мой. И я поняла, что ошибалась. В одиночку и зрячий станет слепым, а со всеми вместе даже слепой прозреет. Ты увёз меня в Хар Булук, и я всё время ожидала, что тут нас постигнет горе. Но вы оказались сильнее — вы нашли воду, вдохнули жизнь в эту проклятую богом и людьми степь. Теперь я вижу это. И не осуждай меня, сын мой, за моё упрямство. Мы, люди прошлого, одной ногой ещё остались стоять там, а вы...— Старушка, не договорив, заплакала.

Не выдержали и Болха с Людмилой Ивановной, а раз

потянулись за платками они, то размокли глаза и у Бемби. А Харцха и Наран сидели молчаливые, угрюмые, посуровевшие.

К свекрови подошла Болха, погладила её сухую, жилистую руку:

— Мама, спасибо... Я не знала... а ты... ты молчала...

— За что спасибо, дочка? За то, что я слепая?

— Нет, мама, за то, что ты сберегла для нас Харцху, за то, что ты помогаешь нам воспитывать и растить сыновей, за то, что ты добрая и сильная...

— Нет, дочка, я слабая. Но теперь, — и голос её окреп, — я тоже, как и вы, стану сильной. Ведь врач-то правильно сказала: я — человек здоровый. Я и без неё знала это, вот только душа у меня болела...

Она перевела дыхание, успокоилась и продолжала:

— Виновата я перед вами. Я знала, что Харцха с Нараном первыми из колхоза приезжали сюда искать воду. Я знала, где её искать, но не хотела этого говорить, потому что боялась Хар Булука. А теперь не боюсь! Воду нашли без меня, и степь не виновата, что раньше хозяином её был Джалджи Шонтаев. Людям приносят зло люди, и люди же делают людям добро. А воды в этой степи очень много...

— Где же её искать, мама?

— Ищите, сынок, в балке Гахан Сала. Там раньше был очень сильный родник, и вода была пресная... Водой из родника пользовался только Шонтаев. Я видела, как однажды молоденький пастушок случайно пришёл к роднику, и ему, бедному, всыпали двадцать пять плетей. Ищите там воду, дети мои...

Когда к кошу Харцхи подъехала машина с красным крестом на дверце, бабушка в окружении внуков, сына и снохи стояла на пороге дома.

— Мамаша, да вы уже поднялись? — удивилась врач.

— Здорова, здорова я, дочка, и теперь долго ещё буду жить, потому что выгнала из души свою хворь. Пусть её двери будут раскрыты для добра, для хороших людей, для света...

— Правильно! А проверить вас, раз уж я приехала, всё равно надо. Хотя бы для курортной карты.

— Это ещё что такое? — удивилась бабушка.

— На курорт вас отправить хотим, на Чёрное море... Председатель сказал — за счёт колхоза.

А Бамба с Бембей, не дожидаясь ужина, побежали к балке Гахан Сала, где, по словам бабушки, был когда-то родник и где богач Джалджи Шонтаев закопал своё золото.

МЯТЕЖНАЯ НОЧЬ

Вечером, наскоро поужинав, братья улеглись рядом. Но оба долго не могли уснуть. Бамба лежал с закрытыми глазами и мучительно думал: где же родник? Он обшарил всю балку, ощущал руками всё её дно, но всюду было сухо. О воде в балке Гахан Сала ничего не говорило. А ведь до него, Бамбы, воду там искал отец. И тоже не нашёл. Может быть, бабушка что-нибудь напутала? Не ту назвала балку? А может, пропал родник, высох? «Завтра обязательно поищу с лопатой», — решил Бамба. — Хорошо бы взять с собой Руслана, Кермяш, Наташу. Всем вместе лучше искать. А Бембя — не помощник. Он ведь тоже был в балке, а искал совсем не воду, а какие-то холмы. Чудак, — подумал о брате Бамба, — зачем ему эти холмы? Неужели он думает, что родники бьют из холмов?»

И Бембя не спал. В его голове тоже роялся целый клубок мыслей и планов. «Золото!.. — думал он. — Целых три слитка!.. Вот бы найти! Эх, сколько можно купить на эти три слитка!» Он, Бембя, купит себе нож. Как у дяди Нарана, с двумя лезвиями... Или нет, лучше с двенадцатью. Такой нож он видел в городе, в магазине. И вилка, и ножицы, и ложечка в этом ноже. Купить, а потом ребятам показать!..

Бембе надоело лежать на одном боку. Он перевернулся на другой, потом лёг на спину, потом на живот... А мысли о золоте не дают покоя. Он почти наяву видит этот клад, видит отлитую из золота фигурку Будды. Вот только лицо богача Шонтаева Бембя представить себе не может.

«А ещё лучше купить велосипед «Сокол»! — думает Бембя. — Проехаться на нём мимо школы, мимо ребят!..» Он бы положил ноги на руль, а руки бы раскинул в стороны, как крылья. А велосипеда и правда ни у кого ещё

нет. Бембя поехал бы на нём в Москву, прокатился по Красной площади... О нём бы тогда написали во всех газетах, и портрет его повесили бы в школе...

Бамба услышал, как вздыхает, беспокойно ворочаясь, Бембя.

— Бембя, ты не спишь?

— А ты?

— Я вот всё думаю...

— О чём? О золоте?

— О каком золоте? — удивился Бамба. — О роднике я думаю. Мы, наверное, не там искали. Пойдём завтра в балку с лопатами, а?

Негромкий их разговор услышала мама.

— Да вы что же это не спите? Полночь уже, а у них всё разговоры какие-то!

Бембя сразу же захрапел, то ли по-настоящему, то ли притворно, а Бамба ещё долго лежал с открытыми глазами...

Наступило воскресное утро. Бамба очень пожалел, что сегодня не понедельник: он бы собрал в классе ребят и они все вместе отправились бы на поиски родника.

«Ничего, пойду один, — решил он. — А если опять не найду, то в понедельник скажу о роднике ребятам!»

Но его опередил Бембя. Он проснулся раньше обычно, подошёл к брату и осторожно тронул его за плечо:

— Бамба, ты спишь?

— Я давно не сплю. А что?

— Бамба, пойдём опять в балку, а?

— Зачем?

— Родник будем искать. Только никому не говори ни слова. Я уже и еду припас: лепёшки и мясо. А ты бери две лопаты.

Бамба ушам своим не верил — очень уж непохоже всё это было на Бембю.

— А как же мама? Ведь она хватится, что нас нету, искать будет, — засомневался он.

— А мы ей оставим записку. Я вот написал, на, прочти. — И Бембя протянул брату листок, вырванный из тетрадки. На нём неровными крупными буквами было написано: «Мама, мы с Бамбой будем играть в балке. За нас не беспокойся. Бембя».

— Но она всё равно искать нас будет,— сказал Бамба. Бембя и на это нашёл ответ:

— Пока она найдёт нас, мы уже обшарим всю балку. Слова Бемби, должно быть, убедили Бамбу.

— Ладно, пойдём,— сказал он.

Кое-как умывшись, братья взяли лопаты и тайком выскочили из дому. А через полчаса уже были в балке.

— Где копать будем? — спросил Бамба.

— Вот там,— показал Бембя на два небольших холма.

— Почему? Разве родники из холмов вытекают? Воду надо искать на дне балки.

— Знаешь что? Ты ищи на дне, а я буду искать на холме.

Бамба рассердился:

— Я знаю: ты не воду искать хочешь, а золото! Ну и ищи своё золото! — И он стал спускаться на дно балки.

Вовсю припекало солнце. В синем, высоком небе летели на юг стаи птиц. Пахло высохшей травой, горьковатой полынью. Бамба сразу же принялся копать яму и со дна балки видел, как то же самое делал наверху Бембя. Но копал он лениво, то и дело садился отдыхать, а когда совсем устал, спустился к брату.

— Бамба, давай копать вместе! И зачем тебе этот родник? Пусть воду ищут взрослые. Вот мы с тобой найдём золото, знаешь какими будем!..

— Не нужно мне твоё золото,— буркнул в ответ Бамба.— Я буду искать родник.

Бембя ухмыльнулся:

— Всё равно не найдёшь. Воду надо искать машиной.

— А золото чем?

— А золото ищут лопатой...

— Вот и поработай своей лопатой,— сердито сказал Бамба и махнул рукой.

Он снова подошёл к яме. Углубилась она не больше, чем на два штыка, а земля пошла сырая. «Значит, правду сказала бабушка — родник тут когда-то был!..» — обрадовался Бамба и с удвоенной энергией налёг на заступ.

И вдруг под лопатой что-то звякнуло, потом Бамба увидел какой-то металлический предмет. Он нагнулся и поднял его. Тут-то к нему и подскочил Бембя.

— Что это? — тяжело дыша, спросил он. — Золото?!

— Не знаю,— тихо ответил Бамба.— Может, и золото...

— Где ты его нашёл?

— Только что, в яме...

Бембя вдруг коршуном бросился на Бамбу:

— Отдай, это моё!.. Это моё, моё золото!

Он выхватил у Бамбы находку и хотел бежать с ней. Но Бамба удержал его:

— Я нашёл, значит, это моё!

— Нет, моё, моё!..— И Бембя ткнул брата кулаком в грудь.

Бамба недолго думая бросился на Бембю. Завязалась драка.

Но, к счастью, вовремя прибежала мама и разняла драчунов. У Бамбы появился под глазом синяк, у Бемби была разодрана щека...

Мама, пытаясь выглядеть серьёзной, сказала строго:

— Вот вы где, оказывается!.. Убежали, да ещё драку затеяли?!

Дома они застали всех в сборе; в коше были отец, дядя Наран, Бадма, Наташа, Руслан и дядя Иван.

— Так где же они были? — спросил Харцха.

— В балке.

— Воду искали?

— Наверное. Вот, полюбуйся... Драку затеяли,— сказала Болха.

— Драку? Из-за чего?

— А вот из-за этого старого портсигара. Говорят, в яме нашли.

Странная находка заходила из рук в руки. Дядя Иван нашёл на крышке какие-то слова, но прочесть не смог — очень уж проржавел портсигар.

— Интересно,— сказал он.— Говорите, в балке нашли?

— В балке,— ответил с готовностью Бамба.— Я стал копать и нашёл его в глине. А Бембя увидел и бросился отнимать...

— Гм... странно,— сказал Харцха.— А ну-ка пойдёте в балку. Может, там и в самом деле клад? Только почему портсигар такой ржавый?..

ВСЕ ВМЕСТЕ

Надпись на портсигаре прочёл Нимя Нармаевич. На крышке было написано всего четыре слова: «Алим Кацёв, город Нальчик».

Яму в балке углубили почти на метр, но никаких других предметов в ней больше не нашли.

Портсигар Харцха отдал учителю.

— Мы в школе откроем музей,— сказал Нимя Нармаевич.— Это, наверное, портсигар нашего солдата, который защищал калмыцкую землю в годы войны.

— А можно его разыскать? — спросил Бамба у Нимя Нармасвича.

— Пожалуй, можно,— ответил учитель.— Солдат, наверное, из Кабардино-Балкарии. Надо запрос сделать...

— Вот здорово! — обрадовался Бамба.

А Бемба в это время всё копал и копал свою яму, ожидая, что он вот-вот наткнётся на клад.

Как-то Бамба на уроке рассказал о том, что услышал от бабушки. Нимя Нармаевич чуть не расцеловал его:

— Бамба, да это же самое главное!.. Что же ты молчал? Так бабушка говорит, что в балке был родник?

— Был. Но его зарыл богач Шонтаев.

— Значит, надо его найти, отрыть!

— Я уже искал,— сказал Бамба.— Нету там никакого родника.

— Эх, Бамба, Бамба,— улыбнулся учитель.— Разве в одиночку найдёшь? Вместе будем искать. А с бабушкой твоей я ещё раз сам поговорю. Вода, Бамба, для нас сейчас дороже золота. Если мы найдём воду, у нас будут сады, пруды, виноград, рыба... Завтра, ребята, по расписанию два урока, отведённые для экскурсии. Вот мы и проведём её в балке Гахан Сала. Разобьёмся на две группы. Одна будет искать родник, вторая собирать гербарий...

— А если одна группа найдёт родник, второй же обидно станет! — не удержался Бамба.

— Если кто-нибудь из вас обнаружит родник, это будет не его, а общая заслуга,— ответил учитель.— Этому событию обрадуются все. Только, Бамба, родник, если он и существовал на самом деле, найти не так-то просто. Тут

необходима помощь взрослых, помощь всего колхоза. А вы выступите в роли разведчиков.

— А как его искать? — спросила Кермяш.

— Этого я пока и сам не знаю, — развёл руками учитель. — Надо точно установить приметы того места, где он когда-то находился. Для этого ещё раз необходимо поговорить с бабушкой Бамбы и Бемби. А когда мы найдём это место, то на помощь к нам придут взрослые. Одним нам откопать родник будет не под силу...

Бабушка мало что могла добавить к своему рассказу о богаче Шонтаеве и зарытом роднике. Да, был родник в балке Гахан Сала — это она знала точно. Да, вода в нём была чистой и пресной. У южной стороны балки была запруда. Из неё-то и брали воду.

На другой день всем классом отправились в балку Гахан Сала. По пути встречалось много ложбинок. Они извилисто тянулись с юга на север и все вместе впадали в балку. Учитель обратил на это внимание ребят.

— Думается мне, — сказал он, — что раньше по этим ложбинкам текли ручьи, а следы их видны до сих пор.

Потом Нимя Нармаевич осмотрел яму, которую начал было копать Бамба, и не одобрил его выбор.

— Нет, Бамба, по всем признакам тут родника быть не могло.

— Почему? — спросил удивлённый Бамба.

— А вот почему. Балка в этом месте почти кончается. А родник должен вытекать из склона горы, с какой-то возвышенности.

— Значит, я прав? — выскочил Бембя. — Я рыл свою яму вон там, на холме!

Учитель осмотрел и его яму и тоже не одобрил.

— А ты, Бембя, слишком высоко взобрался. Родника здесь тоже не могло быть. Ты слышал, что бабушка говорила? «Ищите родник на дне балки». Вот там мы и будем искать.

Нимя Нармаевич сам взял лопату и стал отмечать предполагаемую линию. Он сделал несколько ямок и объявил:

— Теперь мальчики за работу, а девочки пусть идут в поле и собирают растения для гербария.

Девочки зашумели обиженно.

— Мы тоже хотим искать родник! — сказала за всех смелая Кермыш.

— Нет! — возразил Нимя Нармаевич. — Гербарий нам нужен для классных занятий. Поэтому вы тоже будете выполнять важное и нужное поручение.

И работа закипела. Конечно, и Бембя не остался в стороне. Но родник он искал как-то странно. Чуть заденет его лопата камешек или гальку, он немедленно разгребаёт сухую глину руками, мнёт её, а найдёт камешек, поморщится и выбросит.

Ямки копали небольшие, но глубокие. Вот уже оставлена в стороне одна, вторая, третья... десятая, но ни в одной воды не оказалось. Правда, Руслану попалась какая-то кость, и он поспешил объявить, что это кость мамонта, но учитель разочаровал его:

— Нет, Руслан, это обычная коровья лодыжка. Но пусть тебя радует и эта находка — значит, люди здесь жили! Иначе откуда попала сюда эта кость?..

Два часа пролетели, как две минуты. Ребята, с раскрасневшимися лицами, рвались вперёд, хотели до конца проверить намеченную линию, но учитель сказал:

— Всё, на сегодня хватит! Теперь отдыхайте, а потом поможете девочкам собрать гербарий.

— А вода? — растерянно спросил Бамба. — Ведь мы ещё не нашли родник.

Нимя Нармаевич успокоил его:

— Поищем в другой раз. Сегодня вы поработали достаточно и устали.

— Нет! Не устали! — загалдели ребята.

Но Нимя Нармаевич был непреклонен:

— Нет, нет, на сегодня хватит...

Потом подошли и девочки. У них в руках были букеты осенних полевых цветов и растения, названия которых они не знали сами. Нимя Нармаевич, сортируя растения, стал объяснять:

— Это вот полынь...

— Знаем! — хором отвечали ребята.

— А это ковыль!..

— Тоже знаем!

— Да вы все, гляжу я, опытные ботаники! Ну, а это что?.. Это сорняк, называется он пыреем; здесь, в степи, он

вреда не приносит, а вот если вырастет на огороде или в поле, его надо немедленно уничтожать. Он отбирает у земли влагу и глушит культурные растения. Это враг полей...

В Хар Булук школьники вернулись только к вечеру, но все были довольны и экскурсией и работой. Один лишь Бембя, казалось, был безучастен ко всему. Он молчаливо плёлся позади всех и часто останавливался, для того чтобы ещё раз разглядеть несколько камешков, которые нёс в кармане. «Нет, это не золото,— разочарованно думал он.— Золото, говорят, красивое, блестит, а эти камни какие-то серые...» и выбрасывал их один за другим.

Когда Бембя собрался было выбросить последний камешек, его вдруг остановил Ния Нармаевич:

— Бембя, что это у тебя?

— Камень,— ответил Бембя нехотя.

— Ты что, коллекцию собираешь?

— Нет...

— А этот камень зачем у тебя?

— Так... Копал яму, он мне и попался.

Учитель взял камень и осмотрел его.

— Это доломит, Бембя. Не надо его выбрасывать. Пусть этот камешек послужит тебе началом для будущей коллекции.

— А зачем они мне? — удивился Бембя.

— Эх ты, учёный!.. Камни — это история земли. Они тебе лучше любой книги расскажут о её жизни, о тех переменах, что происходили с ней. Потом, камни — те же цветы. Они бывают очень красивые и ценные.

— Дороже золота? — немедленно спросил Бембя.

— При чём тут золото? — не понял Бембя Ния Нармаевич.— Золото — это металл, а камни — минералы...

Но когда учитель отошёл от него, упрямый Бембя незаметно выбросил последний камешек.

НОВОСЕЛЬЕ

Дома Бамбу и Бембю ожидала Наташа.

— Все ваши у нас в гостях,— быстро сказала она.— У нас ведь новоселье! А меня тётя Болха послала, чтобы я привела вас. Ох, там таких пирогов мама напекла! С яблоками, с вареньем, даже с грибами есть... Пошли скорее!

Бембя стал искать бабушку.

— И бабушка у нас,— сказала Наташа.— Она пела калмыцкие песни. Грустные такие и непонятные... Мама даже заплакала.

Ну, уж если запела их бабушка, уговаривать больше нечего! И все трое наперегонки бросились к новому дому дяди Вани.

А дом стоял на пригорке, почти в самом центре Хар Булука. Был он очень красив. Наличники на окнах раскрашены, на трубе рыбка, крыльцо в резном украшении, с высоким порогом.

Когда ребята прибежали к дяде Ивану, гости вручали новосёлам подарки. Очир Лиджиев, увидев Наташу, поймал её за руку и вместе с Русланом поставил посреди комнаты.

— Тебе, дочка,— сказал он,— дарю козлёнка. А тебе, сынок, вот этого ягнёнка...

Вмешалась смущённая Людмила Ивановна:

— Ну разве можно детям такие дорогие подарки дарить? — И повернулась к мужу: — Иван, хоть ты скажи!.. Мы не можем принять такие дорогие подарки.

А Очир Лиджиев даже обиделся:

— Нельзя, Людмила Ивановна, так говорить. Дарить подарки — так уж принято у нас. И чем дороже подарок, тем дороже тот человек, кому дарят его. А Иван теперь не только друг Харцхи, но и наш общий друг. Он член нашего колхоза, а в колхозе у нас только друзья.

Потом произнёс короткую речь председатель колхоза Басанг Церенович.

— Пусть ваш новый дом,— сказал он,— станет для вас всех золотым дворцом, и пусть он будет наполнен солнцем и добром. И ещё пусть в этом доме никогда не переводятся

гости, а счастье сопутствует хозяевам и детям их всю жизнь...

Бамбу и Бембю зазвала в одну из комнат Болха.

— А это вы подарите Наташе и Руслану.— И она протянула братьям два свёртка.

— Что там? — не удержался Бембя.

— Потом узнаешь, иди дари.

— А я хочу узнать...— захныкал, как всегда, Бембя.

— Ну хорошо, скажу: там отрез на платье для Наташи и костюм для Руслана.

— И я хочу костюм...— заныл Бембя, но Болха сунула ему в руки свёрток и втокнула в комнату, где сидели гости.

За Бембей вошёл туда и Бамба.

— А теперь дорогим нашим маленьким новосёлам,— сказала Болха,— сделают скромные подарки Бамба и Бембя. Пусть наши дети, так же как и взрослые, всегда живут в дружбе и мире...

Бембя, не дожидаясь, когда мама закончит, сунул в руки Руслана свёрток и выбежал на улицу. А Бамбу председатель и Нимя Нармаевич посадили за общий стол.

— Слышал я, Бембя,— сказал Басанг Церенович,— что вы родник ищите?

— Я не Бембя, а Бамба...

— Тыфу ты, опять перепутал!..— и обнял Бамбу за плечи.— Не обижайся, вы же совсем одинаковые... Стало быть, ищите родник?

— Ищем, дядя Басанг.

— Молодцы! А когда найдёте?

— Не знаю, дядя Басанг. Говорят, родник ушёл глубоко под землю и там себе дорогу вырыл.

— Ничего, Бембя, найдём мы его и глубоко под землёй!

— Я Бамба, дядя Басанг.

— Вот нечистая сила, снова забыл! Ну иди гуляй, а родник чтобы был найден! Хоть где, а найдите! Я тебя за это в Артек отправлю. На всё лето... За счёт колхоза. Ясно? Или в Москву пошлю...

В общем, совсем замучил Бамбу разговорчивый Басанг Церенович.

Выбежав на улицу, Бамба вздохнул с облегчением. Бабушка сидела в тени под навесом.

— Это ты, Бамбашка? — спросила она внука.

— Я, бабушка.

— Ты почему один? А где Бембя?

— Наверное, в степь убежал.

— Зачем?

— Он, бабушка, всё хочет золото найти.

— Какое золото?

— Да то, что закопал богач Шонтаев.

— Дурачок он, Бембашка. Разве это золото найдёшь?

— Но ведь ты сама говорила, что они зарыли его?

— Может, зарыли, а может, и с собой увезли. Я-то ведь болела долго, а дедушку твоего убили...

— Кто? Шонтаевы?

— Не знаю, внучек. Нашли его с перерезанным горлом... Одного. А до этого он всё шерсть возил.

— Куда возил?

Рассказ бабушки очень заинтересовал Бамбу. Он чувствовал, что она сейчас расскажет ему что-то новое, о чём не рассказывала раньше.

— У Шонтаевых много было шерсти. А тут переворот свершился. Вот твоего деда они и заставили возить шерсть к роднику в балку.

— Зачем, бабушка?

— Не знаю я, внучек, только догадываюсь, что они той шерстью родник забивали. Сразу два чёрных дела делали: шерсть губили, чтобы людям не досталась, и родник уничтожали.

— Тебе об этом говорил кто-нибудь или ты сама знаешь?

— Сама, сама, внучек, догадываюсь. Твой дед по их приказу возил шерсть в родник. А когда родника не стало, когда уничтожили его, они, чтобы скрыть все следы, убили твоего дедушку... Только так и могло быть. Потом и сами злодеи Шонтаевы уехали. А тут и Советская власть к нам пришла... Когда не стало в Хар Булуке воды, ушли отсюда люди. Так до сих пор и сиротела без них эта степь. А теперь вот ожила. И я ожила вместе с нею...

Бамба весело прищурил глаза — ему понравились по-

следние слова бабушки. И он промолвил твёрдо, как взрослый:

— Бабушка, мы найдём воду. Мы найдём тот родник, в котором было много воды, и тогда в степи станет ещё лучше и красивее!

— Дай бог, внучек, дай бог. Хоть бы на старости лет увидеть эту степь счастливой.

— Здесь, бабушка, председатель говорил, посёлок будет! — восторженно сказал Бамба. — Большой посёлок, с магазином. И кино будет, и Дворец культуры...

— Посёлков больших я, внучек, боюсь, а вот жизнь хорошая пускай цветёт... Пусть всем людям хорошо будет... — И бабушка прерывисто вздохнула. — Отведи меня в степь, внучек, хочу подышать её ветром, а то ведь недалеко и зима. А зимой плохо в степи, зябко...

Она взяла внука за руку и, опираясь на палку, медленно пошла вслед за Бамбой навстречу закату.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЛК

Случилось так, что в кошаре чабана Баты Очинова недосчитались одной овцы. Неужели в Хар Булуке появился вор? Эта неприятная весть за один день разнеслась по всем кошам.

Всполошились чабаны, стали пересчитывать свои отары. Но выяснилось, что всё в порядке. Бата Очиров сокрушался:

— Как же это я недоглядел? Как могло такое случиться?

Он не один раз обошёл кошару в надежде обнаружить какие-либо следы, однако ничего не нашёл.

«Тонкая работа! — подумал Очиров. — Это мог сделать только свой человек». А ведь люди подумают ещё, что овцу зарезал он сам, Бата. Нехорошо получилось! Вон и чабаны теперь как-то подозрительно смотрят. Конечно, не верят! Хотя одна овца — не такая уж большая пропаша, привести в отару можно и свою, но ведь позорно всё это! Говорят: лучше умри сам, но не допусти, чтобы умерло твоё имя.

Вечером, узнав о переживаниях Баты, к нему приехал Наран.

— Слышал я, беда у тебя случилась, друг? — спросил он.

— Случилась, Наран. Позор, сущий позор! Ведь никогда у меня такого не было...

— Да, не очень всё это приятно, но не надо из-за одной овцы так сокрушаться. Подумаешь, овца!... Замени её своей — и дело с концом.

Очирову показалось, что в словах Нарана кроется какая-то издёвка, и насторожился.

— А ты что, успокаивать меня приехал? — подозрительно спросил он. И вдруг вспомнил о прошлом Нарана. — Слушай, а может, ту овечку ты сам и стащил у меня?

Это было так неожиданно и грубо, что Наран вспыхнул, а потом, чуть успокоившись, недоуменно уставился на чабана:

— Бата, что ты? Спятил, что ли?

— Кто спятил? Я? — вскипел Очиров. — А вот и не спятил! Ты кем был? Конокрадом! А у нас до тебя ни один гвоздь из кошей не пропадал...

— Бата, что ты городишь?! Одумайся!.. — Наран резко повернулся и зашагал к лошади.

Он вскочил в седло и умчался галопом. А Бата Очиров кричал ему вслед:

— Вор! Вор!..

Да, так вот в жизни случается, ничего не поделаешь. Вода со склона бежит к низине, вина человека возвращается к нему.

Через полчаса в кош Баты Очирова прибежал Бамба.

— Дядя Бата, зачем вы обидели дядю Нарана? — чуть не плача, закричал он.

— А тебе что, клоп ты этакий? Защищать воришку прибежал?

— Не вор он, дядя Очир, не вор! Дядя Наран очень хороший! Он сидит сейчас у нас и плачет.

— Плачет? Это хорошо, пусть поплачет! Значит, совесть у него заговорила.

— Не вор он, дядя Очир! А плачет потому, что ему обидно. Он вашу овцу в балке Ула́н Зуу́ха машёл. Волк её растерзал...

— В какой балке?.. Какой волк?.. Где?..

— В балке Улан Зууха, говорю. Дядя Наран ехал мимо и увидел кости. Вот и хотел вам рассказать.

Бата вскричал:

— Так вот оно что! А я-то его!.. — и умолк, огорчённо почёсывая затылок. И тут же стал собираться.

Когда Бамба повернулся, чтобы уйти, он сказал:

— погоди, вместе пойдём.

Наран сидел у Харцхи. Бата молча подошёл к Нарану, постоял с минуту. Потом положил руку на плечо чабану:

— Наран, прости, бес за язык дёрнул, не иначе...

Наран молчал.

— Слышишь, Наран! От злости это я...

— От злости на меня? Нет, Бата, я такие слова не прощаю. Тот, кто чувствует, что он пьян, тот трезв; а кто понимает свою глупость, тот умён. Ты сейчас говоришь неправду, ты сказал то, что всегда обо мне думал. Да, я был плохим человеком. Но Советская власть сделала меня другим. Я теперь другой Наран, которого ты не знаешь... Понятно? А овца твоя лежит в Улан Зуухе. Ступай собери хоть её кости...

Наран поднялся и ушёл. А Бата долго ещё стоял в тяжком раздумье, потом покачал головой и тоже вышел.

К вечеру стало известно, что в урочище Улан Зууха Бата Очиров нашёл волчье логово.

— Поймаю или убью! — заверил всех Бата. — А шкуру отдам Нарану. Может, простит меня...

И слово своё он сдержал. Три дня продежурил у волчьего логова. И дождался.

...Волчица появилась с северной, подветренной стороны. Бату, с головой укутанного полынью, она не увидела и не учуяла. Бата хотел сначала пристрелить волчицу, но потом вспомнил про то, что наговорил Нарану, и ярость закипела в нём с новой силой.

«Я притащу её в Хар Булук живьём!» — подумал он. И выпрыгнул из засады. Волчица бросилась к логову, но путь ей преградил человек. Он был зол и лют, глаза налились кровью.

Волчица попятилась и оскалила зубы. Бата зарычал и тоже оскалил зубы. В руках у него было ружьё и большой

В Хар Булук Бата притацил волчицу под вечер.

кнут. Человек и зверь смотрели в глаза друг другу и выжидали. С близкого расстояния стрелять было нельзя, и ружьё только мешало Бате. Он с силой шнырнул им в волчицу и, когда та чуть отскочила в сторону, мгновенно бросился на неё, схватил одной рукой за уши, а другой ловко сунул в пасть кнутовище...

В Хар Булук Бата притащил волчицу под вечер. Мальчишки ещё издали увидели чабана и гурьбой помчались к нему. Бата принёс волчицу к кошу Харцхи.

— Волка поймали! Волка поймали! — восторженно кричали ребятишки.

На шум выбежали Бамба и Бембя, за ними Харцха и дядя Наран. Бата Очиров молча подтащил волчицу к старуке и тихо сказал:

— Бери, Наран, твоя. А меня, если можешь, прости... И ушёл, тяжёло ступая по зеленовато-жёлтой траве.

БЕМБЯ ДРЕССИРУЕТ БАЛТЫКА

Бамбе казалось, что Бембя давным-давно забыл о золоте. Он занят сейчас, в эти осенние дни, совсем другим — целыми днями возится с Балтыком. Как проснётся утром, сразу бежит к дяде Нарану, несёт Балтыку что-нибудь вкусное. После уроков — снова у дяди Нарана. И так почти каждый день.

— Что это ты всё время с Балтыком возишься? — сердилась Болха.

— Я его дрессирую, мама, — отвечал Бембя.

Балтык и впрямь привязался к Бембе. Как завидит своего друга, опрометью мчится к нему. Подбежит и, виляя хвостом, смотрит на карман. А Бембя ему то конфетку сунет, то пряник, то сахару кусочек.

Однажды Бамба заметил, что Бембя достаёт из кармана серебряные монеты и зачем-то даёт их нюхать Балтыку. «Зачем это?» — поразился Бамба. А когда спросил, Бембя ответил, как иногда отвечал отец:

— Много будешь знать — скоро состаришься.

А Бембя, оказывается, всё это проделывал не зря: он приучал Балтыка искать разные предметы и даже день-

ги. Спрячет монету где-нибудь в куче золы и приказывает:

— Балтык, ищи, ищи!..

Пёс бегаёт, нюхает и в конце концов находит монету. Бембя угощает его за это кусочком мяса.

И вот однажды Бембя исчез.

В школе в тот день начали новую тему по арифметике, но Бембя в классе не оказалось.

— Где твой брат, Бамба? — спросил Нимя Нармаевич.

— Не знаю, — пожал плечами Бамба. — Он ушёл в школу раньше меня.

Когда Бамба вернулся из школы, он застал дома рассерженного отца.

— Где мой складной нож? — строго спросил Харцха.

— Не знаю, папа, я его не видел.

— А Бембя где?

— Тоже не знаю. Его и в школе сегодня не было...

— Как — не было?! Где же он тогда?

— Не знаю...

— Ну погоди, я до него доберусь! — пригрозил отец и снова стал искать свой нож.

Но ножа нигде не было. И Бамба догадался: Бембя наверняка ушёл к балке и прихватил с собою нож отца. Значит, он опять ищет золото!

Да, так оно и было — Бембя искал в балке золото. Только теперь не наверху, а на самом дне балки. Именно там и надо было искать родник, как утверждала бабушка и как говорил Нимя Нармаевич. Родник, а не золото!

Обламывая ногти и до крови царапая пальцы, Бембя рыл землю, рыхлил её ножом, с минуты на минуту ожидая, что вот-вот покажется золото. Но золота не было. Тогда Бембя переходил на другое место и снова начинал рыть. Балтык, тычась носом в свежую глину, фыркал и нетерпеливо крутил хвостом.

В одном месте земля вдруг стала поддаваться очень легко, и это удивило и обрадовало Бембю. «Наверное, тут клад!» — подумал он и приказал Балтыку:

— Ищи! Ищи, Балтык!

Пёс ткнул носом в землю, обнюхал её и стал быстро-быстро рыть лапами.

«Ага! Что-то здесь есть!.. Что-то Балтык учуял!..» Учащённо дыша, Бембя вместе с Балтыком принялся лихорадочно углублять яму.

— Балтык, ищи, ищи!..

Он торопился, он задыхался, а голову сверлила одна мысль: «Тут что-то есть, Балтык чувствует! И земля идёт всё время рыхлая...» И Бембя снова подбадривал:

— Балтык, ищи! Ищи, Балтычок! Ищи, умный! Это золото, Балтык! Сейчас будет золото!.. Я тебе целый карман конфет куплю тогда...

А пёс продолжал старательно отшвыривать землю передними лапами. И вдруг Балтык зафыркал и отпрянул от ямы.

— Балтычок, что там?! Золото?..

Балтык опять бросился к яме. И вдруг вытащил большой клочок гнилой овечьей шерсти.

— Балтык, что это? Шерсть?.. А где же золото?..

«Шерсть... Бабушка говорила, что эту шерсть возил сюда дед. Значит, и золото где-то тут должно быть».

Бембя сам залез в яму и стал доставать из неё сырую, прогнившую шерсть. Отверстие в яме быстро углублялось, а шерсть всё лезла и лезла. Позади Бемби уже целая куча шерсти, а в яме ей и конца не видно.

— Балтык, где же золото?..— вскричал Бембя и чуть не заплакал.

Он задыхался от усталости, ему хотелось пить, пот застилал глаза, а шерсти не было конца. Вот яма уже закрывает колени! Теперь Бембя без ножа, просто руками вытаскивает из неё шерсть и бросает назад. Сколько её, этой шерсти? Мешок, два, три?.. От шерсти идёт нехороший запах, у Бемби рябит в глазах, его мутит, но останавливаться нельзя. Теперь дорогá каждая минута. На коше его, наверное, давно хватились и сейчас ищут повсюду. Надо быстрее, быстрее!.. Проклятая шерсть! Сколько её!..

Но вот и совсем иссякли у Бемби силы. Он лёг на сырую землю и заплакал. Надо искать золото, а он не может, у него ослабли руки, дрожат ноги и очень хочется пить.

И тут Бембя услышал голос отца:

— Да вот он! Я так и знал!..

Бембя вскочил, хотел бежать, но ноги его подкосились, и он упал...

Очнувшись он уже дома. Рядом с ним сидели мама и бабушка.

— Бембешка, милый, что с тобой? У тебя что-нибудь болит? — спросила мама, а в глазах её стояли слёзы.

Бембя молчал, пытаясь вспомнить, что с ним произошло. И вдруг вспомнил.

— Мама! — закричал он. — Я золото нашёл!

— Какое, сынок, золото?

— Там... в балке Гахан Сала...

— Да нет, сынок, никакого не золото, а родник. Ты родник нашёл!.. А вода в нём чистая, ключевая. И много её... Там сейчас весь народ...

Бембя, выслушав маму, бессильно опустил голову на подушку... Потом вдруг он снова увидел Балтыка. Бембя звал его, приказывал ему рыть и искать, искать. А Балтык вдруг превратился в блестящий золотой портсигар.

Потом Бембя ехал на велосипеде, положив ноги на руль, и все ребята кричали ему что-то вслед...

Харцха отправился в город за врачом.

...Вечером у постели Бемби собралась вся семья. Пришли и дядя Иван с Людмилой Ивановной.

— Я никогда больше не буду ссориться с Бембей, — сказал тихонько заплаканный Бамба.

На табуретке, рядом с кроватью Бемби, лежат конфеты и нож. Тот самый, что сегодня утром Бембя взял у отца. Харцха нашёл его в яме и сейчас, очистив от глины, положил на табуретку. Бабушка стоит рядом с Бембей, из незрячих глаз её бегут слёзы.

— Я никогда не буду больше ругаться с Бембей, — всхлипывая, повторяет Бамба.

Болха прижимает его к себе.

— Милый ты мой... Бембя скоро поправится, и вы опять будете вместе. — И вдруг сама подносит платок к глазам.

Зашёл и Басанг Церенович.

— Где он, наш герой? — громко спросил он, входя в комнату.

На него зашикали, замахали руками:

— Тише! Тише!.. Только что уснул... Всё это время бредил...

— Как?.. С ним так плохо? Почему мне не сказали? Я бы срочно врача привёз.

— Был врач. Говорит — нервное потрясение.

— Ну, тогда это пройдёт...

Потом Басанг Церенович подошёл к Бамбе:

— Здравствуй, Бембя...

— Я Бамба...

— Фу ты, заедят меня пауки, вечно путаю! Значит, родник нашёл не ты, а Бембя?

Бамба кивнул головой.

— Но ты ведь тоже искал?

— Нет, я в школе был...

— Ничего, ничего, всё правильно! Летом на каникулы вместе с Бембей поедете в Москву. За счёт колхоза. Я это-го добьюсь для вас, обязательно добьюсь!

Вместе с председателем Бамба вышел на улицу. Был тёмный осенний вечер. Над степью высыпали яркие звёзды, и всё небо будто играло, перемигивалось; от этого немножко кружилась голова и рябило в глазах. Со стороны Гахан Сала несло прохладой. Теперь Бамба знал точно: там есть вода, много воды. И пусть родник нашёл не он, но в этих поисках есть и доля его труда. Если бы не болезнь Бемби, Бамба был бы сегодня совсем счастлив.

* * *

Бембя поправился только через две недели. Все эти дни он лежал какой-то молчаливый, не отвечал на вопросы и только, когда уходили из дому взрослые, слабой рукой гладил лохматую шею Балтыка.

Харцха сначала прогонял Балтыка, но, заметив, что Бембя в присутствии собаки веселел, оставил пса в покое.

Когда Бембе стало совсем хорошо, к Харцхе неожиданно нагрянули гости. Сразу трое. Приехали Басанг Церенович и секретарь райкома партии. С ними пришёл и Нимя Нармаевич.

— Это он и есть Бембя? — спросил секретарь райкома.

— Он самый, — ответил председатель.

Секретарь подошёл к Бембе и протянул ему руку:

— Молодец, Бембя!

Бембя не совсем понял, за что его хвалят, и промолчал.

— Ты что же молчишь, герой? Или дуешься на меня за что-то? — И вдруг развёл руками. — А, помню, помню... Ты прав, дуться на меня есть за что — я же обещал тебе и Бамбе гостинцы привезти. Ты за это сердишься, да?

Бембя улыбнулся и отрицательно покачал головой. А потом сказал:

— Нет, я вовсе и не дуюсь.

— А я обещание своё помнил и выполнил его. — И секретарь вдруг крикнул: — Бамба, а ну-ка неси сюда гостинцы!

Вошёл сияющий Бамба с целым ворохом кульков и коробок, а следом за ним, с блестящим новеньким велосипедом, Харцха.

— Вот тебе, герой, от меня гостинцы, а это — подарок! — Секретарь взял из рук Харцхи велосипед. — Ка-тайся на здоровье, соревнуйся с Бамбой в учёбе и спорте!

Бамба не удержался:

— И у меня, Бембя, такой же! Только ободки на колёсах голубые — это чтобы мы не перепутали.

— Спасибо, — смущённо и обрадованно сказал Бембя. — Я буду хорошо теперь учиться...

— Это тебе спасибо, герой! — сказал секретарь райкома. — Спасибо, что нашёл источник!

Бембя посмотрел на секретаря как-то странно.

— Это не я нашёл воду.

— Не ты? А кто? Может, Бамба?

— Вот он нашёл, — показал Бембя на Балтыка, который всё посматривал на кучку конфет и пряников. — Воду нашёл Балтык, — повторил Бембя, — а я искал...

Он, наверное, хотел сказать, что искал золото, но секретарь райкома перебил его:

— Вот и хорошо, что ты не тщеславный! Будем считать, что родник нашли вы вместе — и ты, и Бамба, и Балтык, и все те, кто живёт в Хар Булуке. Ведь если бы не ты, воду всё равно кто-нибудь нашёл бы. А тут, считай, поиски были коллективные. А вода в нашей степи, дорогой мой Бембя, дороже золота. В тех колодцах, которые машиной

копали, воды мало оказалось. Вы нашли только один родник, а нам нужно много. Чем больше у нас будет воды, тем богаче и сильнее мы станем. Так что выздоравливай, работы впереди ещё много. А когда вы с Бамбой подрастёте, её будет ещё больше. Вам предстоит сделать нашу калмыцкую степь цветущей и плодородной...

Они ушли, а Бембя ещё долго лежал с открытыми глазами и всё думал, думал. Оказывается, многого он не знал. Выходит, вода — это и есть золото. И Бембя опять склонился к Балтыку:

— Балтычок, я теперь совсем-совсем здоров!

Он соскочил с кровати, схватил руль велосипеда и счастливо улыбнулся. «Всё-таки это здорово — жить на земле! Сколько вокруг хороших людей!» И перед ним, как на экране, мгновенно пронеслись знакомые и родные лица — отец, мама, бабушка, дядя Наран, дядя Ваня и многие-многие другие. И Бембя, не зная, куда девать нахлынувшую на него радость, подбежал к окну, увидел залитый осенним солнцем двор, голубое огромное небо и во весь голос закричал:

— Бамба, где ты?.. Бамба!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и подошла к концу повесть о братьях Бамбе и Бембе, о людях, что живут в калмыцкой степи и своим трудом делают эту степь нашим богатством.

Более десяти лет длилась моя разлука с Хар Булуком. Жизнь бросала меня в разные края, познакомила со многими хорошими людьми, но всегда я думал о Хар Булуке и всей душой стремился к нему.

И вот она, родная степь! Здравствуй, Хар Булук! Здравствуй и прощай, потому что мне опять предстоит дальняя дорога. Но я рад, что снова увидел тебя, дышу твоим воздухом. Двенадцать лет... Много это или мало? Если заглянуть в глубь веков, то очень и очень мало. Так, песчинка в океане времени. А если посмотреть вперёд?..

Двенадцать лет назад Хар Булук только начал строиться. На северном склоне Гахан Сала располагалось пять

кошар. Председатель колхоза Басанг Церенович сказал мне тогда, что будут построены ещё и фермы для крупного рогатого скота.

И вот двенадцать лет позади. Что же изменилось? Многое. Я смотрю на Хар Булук и ничего не узнаю. Всё здесь новое, добротное, прочное, сделанное на века.

— Здравствуй, Хар Булук! — кричу я. — Здравствуй, новый Хар Булук, моя степь, моя любовь! Здесь живут мои друзья, мои родственники, люди, воспитавшие меня. Они отдали мне всё, чтобы сегодня я смог вернуть им свой долг.

Я ещё не видел своих друзей, но ясно представляю их лица. Вот Харцха, Иван, Болха, Людмила Ивановна, Наран... Какие они теперь? Изменились, наверное, как и сам Хар Булук...

Вспоминаю своего друга Нимю. Он тогда был совсем молод. Но за труд, за любовь к людям его все в колхозе, даже старики, звали по имени и отчеству.

Потом я вспомнил Бамбу и Бембю. Какими теперь стали они? В последний раз я видел Бембю, когда он болел. Я зашёл к Харцхе проститься, а Бембя не узнал меня. Он лежал бледный, худой...

Сколько их было, маленьких и пытливых, в Хар Булуке! Я помню их всех — Наташу, Кермяш, Руслана, Бамбу... И все они любили Хар Булук. Эту любовь привили им родители, учитель Нимя Нармаевич и многие другие.

Сколько у меня здесь друзей! Весь Хар Булук! Как они живут? К чему стремятся? О чём думают?

Бежит и бежит под колёсами машины широкая асфальтированная дорога. Ветер треплет мои волосы и, точно котёнок, лезет под рубашку. А на сердце всё теплее и теплее.

А вот и возвышенность Ярты! Я взбираюсь на её вершину и вижу прямо перед собой посёлок. Какой же он красивый и зелёный! Считаю постройки. А ведь раньше не было ни одной. А сегодня!.. Плынут по зелёной степи двухэтажные красавцы дома. А сразу за ними — голубая гладь большого пруда. В нём отражаются ивы, облака, летающие птицы.

«Да Хар Булук ли это?» — думаю я. Конечно же, Хар Булук! Вон старая кошара Харцхи, за нею — Дорджи

Шалбурова, а ещё дальше — Баты Очирова... И всё-таки это совсем другой, новый Хар Булук.

Меня встречают первые деревья, приветливо машут ветвями.

— Куда везти? — спрашивает шофёр.

— К школе! — кричу я.

Останавливаемся у двухэтажного розового дома. На нём трепещет на ветру красный флаг. Рядом стоят девушка и юноша. Подхожу поближе. Да, они будут стоять здесь вечно: это памятник погибшим в войну. У девушки в руках автомат, а сбоку медицинская сумка с красным крестом. У юноши правая рука сжата в кулак, а левая висит, как крыло у подбитого сокола. А внизу надпись, обычная, скромная: «Юные партизаны Калмыкии — Тамара Хаклынова и Володя Косиёв. Погибли в бою с немецко-фашистскими оккупантами за свободу и независимость нашей Родины».

Ко мне подошла со стопкой книг и тетрадей девушка, спросила удивлённо:

— Вы откуда?..

— Скажите, Нимя Нармаевич у себя?

— Да, у себя. Вы к нему? Из районо, наверное? Пойдёмте, я провожу вас.

Дорогой знакомимся. Деляш Бадмаевна, учительница. Преподаёт в этой школе ботанику.

Директора школы на месте не оказалось: пошёл в сад-огород.

— А что это за сад-огород? — спросил я.

Деляш Бадмаевна объяснила:

— А это наш пришкольный участок. У нас и сад свой, и огород. Пойдёмте покажу.

И мы идём с ней к саду-огороду по широкой красивой улице. Какие красивые дома! С палисадниками, с резными наличниками, с большими светлыми окнами... И все они какие-то разные, будто теремки выскочили из сказки и загородили нам дорогу.

— По какому вы делу приехали? — интересуется Деляш Бадмаевна.

Коротко рассказываю о себе.

И вот мы подходим к южной окраине Хар Булука. Передо мной зеркало большого пруда. Смотрю и не верю

своим глазам: раньше здесь расстилалась бескрайняя степь, а теперь на сотни метров вдаль и вширь раскинулась водная гладь!

А вот и сад-огород, о котором мне с такой любовью успела рассказать молодая учительница. Он почти на самом берегу пруда. Женщины, шедшие нам навстречу, обрадовались:

— Деляш Бадмаевна, а мы вас давно ждём!..

— А в чём дело? Здесь же должен быть Ния Нармаевич...

— Уехал он, а нам огурцы собирать надо, да не знаем, кому сдавать.

Не удержавшись, восклицаю:

— Огурцы?! В сентябре? Никогда в Калмыкии не было в сентябре огурцов...

Деляш Бадмаевна улыбается:

— А это наш второй урожай.

— Здесь, в Хар Булуке?

— Да, в Хар Булуке.

Женщины окружили учительницу, не обратив на меня внимания. И я их понимаю. Разве мало здесь приезжих? Раньше в Хар Булуке каждый новый человек был событием. А теперь к приезжим здесь привыкли.

Они говорят о своих делах, а я с волнением оглядываюсь вокруг.

Как всё изменилось! Рядом с огородом — огромный сад. Сколько здесь яблок и абрикосов!.. А поблизости вызревают краснобокие помидоры, огурцы, капуста, жёлтые дыни, арбузы...

Какое богатство! И всё это принесла вода. А может, люди, их любовь к земле, к труду, а не только вода?..

А вот появился и сам Ния Нармаевич, высокий, такой же бледнолицый, как и прежде. Мой друг Ния!.. С ним несколько учеников. Женщины почему-то называют его бригадиром.

— Бригадир, мы морковь уже убрали. Что делать дальше?

— Убирайте арбузы, — отвечает Ния. — Скоро из города придут машины, надо будет погрузить всё. — И повернулся к ученикам: — А вам придётся убирать огурцы и помидоры...

Он только сейчас заметил меня, бросился навстречу:
— Дружище! Каким ветром к нам занесло?
— Здравствуй, Нимя! Соскучился, вот и приехал...
— Спасибо! Спасибо, друг! А мы недавно вспоминали тебя...

Опять подошли женщины:

— Бригадир, а куда носить арбузы?..

Я смотрю на директора и думаю: прошло столько времени, а он мало изменился. Разве только возмужал, солиднее стал.

Нимя заметил мой взгляд, спросил:

— Ты о чём задумался?

— Да вот не пойму, кто ты: директор или бригадир?

— А-а, вот оно что! — И, тоже смеясь, отвечает: — И директор, и бригадир. Сад-то наш, школьный, вот сами и управляемся. Тут приходится быть и садоводом, и пчеловодом, и агрономом, и рабочим... А как же! Хозяйство-то вон какое! Раньше колхоз меньше был.

Потом он спрашивает:

— Тебя ещё не посветили в наши планы? Нет? Тогда слушай. Сейчас наша школа восьмилетняя, а в следующем году откроем десятилетку...

— У тебя семья есть?

— Это что, вопрос? — смеётся Нимя. — Есть, конечно! Сын Цецен растёт.

— А как живут Харцха, Иван?..

— О, о них я рассказывать не буду, увидишь сам. Впрочем, мы сейчас вместе поедем к ним. Это твоя машина у школы стоит? Вот и подкатим.

Нимя отдаёт последние распоряжения, и мы с ним идём к школе. Дорогой он рассказывает:

— Знаешь, как только нашли воду, сразу же построили плотину в балке. Видал, что получилось? Настоящее озеро! Да ещё какое! И купаемся в нём, и рыбу разводим, и степь орошаем... А позже огород и сад разбили. Сначала небольшой был, а потом стал расти из года в год...

Навстречу вышел седоволосый, коренастый мужчина. Он протянул директору руку, кивнул мне и стал жаловаться:

— Возьми меня, Нимя, к себе — на огород или в сад. Эта проклятая пенсия загонит меня в могилу. Слоняюсь

Опять подошли женщины:
— Бригадир, а куда носить арбузы?..

целыми днями как неприкаянный, места себе не нахожу. Скука проклятая заела.

И тут вдруг старик узнал меня:

— Постой-постой, ты не тот ли парень, который всё сказками и легендами интересовался?

— Он самый, дядя Наран, угадали... Да я и теперь вас с удовольствием послушаю.

— Вот ведь хитрец! — добродушно усмехнулся Наран. — А что? Можно и рассказать, если и правда интересно.

— Конечно, конечно, интересуюсь, дядя Наран! — воскликнул я нетерпеливо.

— Вы ему легенду о земле расскажите, дядя Наран, — попросил Ния.

Наран деловито вытащил из кармана кисет, набил табаком старую трубку и затянулся с наслаждением.

— Давным-давно это было... — начал он. — В одном ханстве жили старик со старухой. У них было семь жёлтых дочерей, которые пасли семь белых коз. Очень любили своих дочерей старик и старуха.

Однажды мимо чёрного джолума¹ старика проезжал хан. Увидев семь жёлтых девушек с семью белыми козами, хан прогневался на старика.

— Почему ты, старый верблюд, пасёшь семь своих коз здесь, где должны пастись мои многочисленные стада? Чтобы духу их тут не было! — грозно вскричал он.

— Ваше ханское величество, эти козы — кормилицы всей моей семьи. Если мы лишимся коз, смерти нам тогда не избежать, — сказал старик.

— Меня не касается, умрёте вы или не умрёте! Мои стада дороже тебя; твоих дочерей и коз, — безжалостно усмехнулся хан.

— Если вы, глава ханства, не заботитесь о нас, кто нам тогда поможет? Сжальтесь над нами, милостивый хан, дайте хоть клочок земли, чтобы мы могли пасти на ней семерых коз, — взмолился старик, упав на колени.

Хан ручкой кнута начертил вокруг жилья старика круг величиной в семь джолумов.

— Жалую тебе эту землю. Если хоть на вершок забе-

---

¹ Джолум — в старину жильё самого бедного калмыка.

рѣшься за межу, что я начертил, лишишься своей головы,— молвил хан и удалился.

Старик пошёл к семи жёлтым дочерям своим, которые пасли семь белых коз, и велел им возвращаться домой.

— Аава, козы ещё не наелись! Пусть попасутся. А не то молока не будет,— отвечает отцу старшая.

— Нельзя, дочка, ханского указа послушаться. Пожаловал он нам землю величиной в семь джолумов. А на той земле ни вы, дочери мои, ни козы наши не уместятся. Придётся нам расстаться с козами,— печально сказал старик.

— Аава, говорят, что небо, сотворившее человека, творит и пищу. Не горюйте,— успокоила старика младшая дочь.

Утешили его дочери, и стало ему легче горе своё сносить.

А семь жёлтых девушек не покладая рук от зари до зари трудились на клочке земли величиной в семь джолумов. Трое колодец копают, трое землю пашут, одна семена сажает.

«Что там делают мои дочери?» — подумал старик и вышел из своего убогого джолума. Посмотрел... О боже!.. В испуге упал старик на колени, как тогда перед ханом, и дрожащим голосом воскликнул:

— О дочери мои! Как вы посмели растревожить мать-землю?¹ Какой тяжкий грех, какой грех!.. Рассердится Бурхан-Бакши... На том свете не будет нам покоя...

Семь жёлтых девушек снова успокоили отца и отправили его в джолум, а сами ещё усерднее взялись за работу.

Через семь дней попросили они своих родителей выйти на свет божий.

Старик со старухой переступили порог джолума и глазам своим не поверили! На одном участочке подсолнух и кукуруза улыбаются, радуясь солнцу; на другом — пшеница и рожь колышутся; на третьем — распустили свои лепестки тюльпан и лотос, распространяя вокруг аромат; на четвёртом — два ручья текут: медовый и кисельный; на пятом — молоко фонтаном бьёт; на шестом — шерсть и

¹ Калмыки прежде не пахали землю, считая это греховным.

сукно, да шёлк всеми цветами переливается; а на седьмом — семь белых коз на зелёной траве пасутся, водой из родника запивают, резвятся, сытые и довольные. И посреди всего этого чуда возвышается золотой колодец. Чистая и прозрачная вода течёт из колодца, жажду растений утоляет.

— О золотые, жёлтые дочери мои! Какой же бог сотворил всё это чудо? — удивлённо воскликнул старик.

— Не бога, отец, не Бурхана это творение, — отвечает старшая дочь.

— Тогда кто же эти сокровища создал? — изумился старик.

— Труд, — сказала вторая дочь.

— Руки, — промолвила третья.

— Ум, — произнесла четвёртая.

— Желание, — поддержала сестёр пятая.

— Природа, — добавила шестая.

— Земля и вода, — заключила младшая дочь.

С того самого времени на земле своей в семь джолумов стали жить старик с семьёй в довольстве и богатстве.

Услышал об этом хан, примчался к старику и спрашивает:

— Ну-ка отвечай, почему это так: просторы у меня необъятные, а богатство моё всё уменьшается и уменьшается. У тебя же всего-то земли семь джолумов, а богатство твоё растёт. В чём тут дело?

— Ваше ханское величество, дело не в том, что у вас большие просторы, а в том, что источник жизни имеет свою тайну, — ответил старик.

— А как познать эту тайну?

— Спросите у моих дочерей.

Обратился тогда хан к семи жёлтым девушкам с тем же вопросом.

— Если вы хотите, ваше ханское величество, познать тайну жизни и тайну земли, для этого нужно обязательно набить на руках мозоли, — ответили хану девушки...

Наран, закончив рассказ, посмотрел на меня.

— Очень интересная легенда, — сказал я. — Спасибо вам за неё, дядя Наран.

— Чего уж там «спасибо», — махнул рукой старик. — Я эту легенду к тому рассказал, чтобы понятно было... Всё,

что ты сегодня увидел, — всё руками людей создано, трудом твоих отцов, братьев, друзей...

— Правильно, дядя Наран, верно, — подтвердил Нимя.

— А если верно, — хитро подмигнул Наран, — тогда бери меня на работу. Плохо мне без неё. Вон и парня забыл, как зовут. Память стала сдавать. А всё пенсия!.. Когда работал, здоров был, а тут сделали милость, отправили на заслуженный отдых. Скажи хоть ты ему, парень: пусть даст мне работу!..

— Дам, дам, дядя Наран, приходите завтра, — смеётся Нимя.

А когда мы, простившись со стариком, уходим, вздыхает:

— Сильно постарел дядя Наран. А работник-то золотой был! Хочу на школьную пасеку его посадить, пусть с пчёлами воюет и медком лечится, для него это полезно...

Навстречу нам бежали мальчишки и девчонки. У всех на шее красные галстуки.

— Нимя Нармаевич, беда! Щука в озере появилась, рыбок ест!

— Откуда вам это известно?

— Видели сами! Мальки играют у берега, а она выскочила — хватъ, хватъ!..

— Так уж и «хватъ»? А может, то не щука, а обыкновенный карась попрыгать задумал с детворой?

— Нет, щука!.. У неё зубищи знаете какие?.. Давайте пруд спустим в степь, щуку поймаем и снова воды напустим...

«Вон у них какой размах! — удивился я. — Они уж готовы воду из пруда перелить и снова напустить. А ведь раньше каждой каплей дорожили. Как изменилось время!» И я опять вспомнил о Бамбе и Бембе. Спросил о них Нимю.

— О, Бамба и Бемба совсем взрослые, — ответил директор. — Бамба — курсант авиационного училища, а Бемба учится в техникуме, на зооветеринарном отделении. Скоро вернётся к нам специалистом.

— А им тогда поездку в Москву устроили? — спросил я.

— Это за то, что воду нашли, что ли? А как же, ездили.

Две недели в Москве пробыли, а на следующий год в Артеке отдыхали.

— Это хорошо! — воскликнул я. — Мальчишки заслужили поездку. Она запомнилась им, наверное, на всю жизнь.

— Да, конечно. Кстати, недавно оба приезжали сюда: Бамба в отпуск, а Бембя на каникулы. Красивые парни, сильные, ловкие. А Бамба в форме — прямо настоящий космонавт. Говорит, как станет лётчиком, подаст документы — хочет быть космонавтом. Ничего удивительного — для них теперь все семафоры открыты. Вот так проснёшься однажды и услышишь: «Внимание, внимание! Говорит Москва. В космосе — лётчик Бамба...» Да, жизнь... — улыбается он. — Хорошая штука жизнь. — И спрашивает: — А нашу молочную ферму видел?

— То есть колхозную? — поправил я его.

— Какая разница! У нас всё общее, деления нет. А ферма отличная, теперь её комбинатом называют — пять тысяч коров!

— Ну?

— Серьёзно. Иван Герасимович ею руководит.

— А чем занимается Харцха? На пенсию ещё не вышел?

— Такого разве отправишь на пенсию! Он возглавляет строительство в колхозе. Бодрый ещё, хотя тоже постарел заметно. Седина появилась. Недавно закончил строительство цеха по переработке овечьего молока. Колхоз будет ежегодно выпускать десять тысяч центнеров сыра. Это уже Басанг Церенович добился. В Москву ездил... Он ведь всё такой же настойчивый. И мечтателем остался таким же.

— Фантазёром, ты хочешь сказать?

— Нет, мечтателем. Все свои задумки он воплощает в жизнь. Вот хотя бы этот цех по переработке молока... Сколько Басанг о нём мечтал! Сколько проектов вынашивал!.. И осуществил свою мечту... Да, ещё ушёл на пенсию Очир Лиджиев. А чабан Бадма — может, помнишь, бывший помощник Харцхи — окончил институт. Сейчас работает у нас ветеринарным врачом.

Сколько перемен! И какие перемены!..

Мы шли с Нимёй к возвышенности Ярты. И тут я

увидел скромную могилу. Лежали на ней живые цветы.

— Кто здесь похоронен? — спросил я.

— Мать Харцхи, бабушка Бамбы и Бемби. Два года назад умерла...

И опять мы шли молча. А думали, наверное, об одном и том же. Жизнь идёт своим чередом. Старое уходит, новое нарождается, растёт, крепнет, идёт дальше.

Жизнь, жизнь!..

Когда мы вернулись в школу, нам сообщили:

— Приехал Басанг Церенович и ищет вас.

— А где он?

— В саду-огороде.

Я сразу узнал весёлого и улыбчивого Басанга Цереновича. Он почти не изменился, словно старость решила обойти его стороной.

— Как, дружок, насовсем к нам или на время? — спросил он. — Смотри, какие мы богатые стали! Оставайся, хватит тебе землю-то ногами мерить.

— Это правда, Басанг Церенович, вы очень богатыми стали! Всё тут у вас преобразилось, прямо как в сказке. Надо подумать, — улыбаюсь я, — может, и останусь.

Председатель увлечённо говорил о хозяйстве, о планах на будущее, о людях. Я решил чуточку подзадорить его.

— Да, — сказал я, — всё у вас хорошо, Басанг Церенович, — и разбогатели вы, и люди выросли, вот только...

— Что только? — ревниво перебил он меня.

— Только название то же самое...

— Какое название?

— Да Хар Булук...

— Ах, вот ты о чём! Действительно старое. А мы как-то привыкли и не замечаем, что оно старое. — И заинтересованно спросил: — А как бы ты назвал наш посёлок?

— Я бы назвал его Алтын Булук, — ответил я.

— Алтын Булук... — повторил председатель. — Золотой Родник...

— Да, Золотой Родник! Разве плохо?

— Прекрасно! Очень, друг ты мой, хорошо! Вот сразу видно, что ты любишь свою родину и думаешь о ней. А название, пожалуй, приживётся. — И он ещё раз повторил: — Алтын Булук — Золотой Родник... Хорошо звучит!..

Не знаю, называют ли сейчас посёлок Алтын Булуком, но сам я с того времени зову и посёлок, и эту степь только так. Золотой Родник дал богатство земле, на которой родились мои предки. Богатство земли даёт счастье и силу людям, моим землякам, тем, кто своим трудом украшает землю. И пусть на этой земле всегда бьёт ключом звонкая и прозрачная родниковая вода, пусть звенит и поёт в двух простых словах: Алтын Булук — Золотой Родник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Запев	3
Близнецы	5
Золото	8
Сбор кизяка	10
Ночь в степи	13
Бабушкина молитва	18
Хар Булук	20
Хурин Сала	21
Харцха	27
Беседа	31
Поездка в Хар Булук	33
Все за одного	42
Удивительная машина	46
Радость	49
Собрание	53
Учитель	56
Переезд	59
На новом месте	64
Приезд Ивана	66
Иван остаётся	71
Новая жизнь	79
Тайна бабушки	82
Мятежная ночь	91
Все вместе	95
Новоселье	99
Последний волк	102
Бембя дрессирует Балтыка	106
Послесловие	112

К читателям

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

**Д л я   м л а д ш е г о
ш к о л ь н о г о   в о з р а с т а**

Балакаев Алексей Гучинович

ЛЕГЕНДА О ЗЕМЛЕ

Повесть

Ответственный редактор *А. М. Соломонов.*

Художественный редактор *В. А. Горячева.*

Технический редактор *О. В. Кудряцева.*

Корректоры

Л. И. Дмитриук и Л. М. Короткина.

Сдано в набор 27/III 1970 г. Подписано к печати 2/VI 1970 г. Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 6,72 (Уч.-изд. л. 6,53). Тираж 100 600 экз. ТП 1970 № 380. Цена 33 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 465.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
*вне серии для детей младшего школьного
возраста в 1970 году выходят следующие книги,
переведённые с языков народов СССР.*

Али Сэттар Атакишиев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИБРАГИМА.

Повесть написана по мотивам азербайджанских народных сказок. Главный герой книги — добрый и смелый джигит Ибрагим проходит через сложные испытания. Его трудолюбие и находчивость всегда помогают людям, попавшим в беду.
Перевод с азербайджанского

Сая К.

ГНОМЫ ИЗ КОНТРАБАСА.

Повесть-сказка, рассказывающая о весёлых, а иногда и печальных, но всегда поучительных приключениях девочки Раселе и её брата школьника Гедрюса, об их большой дружбе с трудолюбивыми и храбрыми гномами.
Перевод с литовского

Баснев М.

ДОДИК — МАЛЕНЬКИЙ ДЖИГИТ.

Рассказы о детях горного аула, их играх и занятиях, помогающих им вырасти настоящими джигитами.
Перевод с осетинского

Чайковский Б.

ЮРАСИК-КАРАСИК И ВОДЯНАЯ СНЕЖИНКА.

Повесть о юных киевлянах—дошкольнике Юрасике и его подружке Маринке из четвёртого класса. Читатели узнают, как юная спортсменка Марина помогла мальчику стать хорошим пловцом. *Перевод с украинского*

Сагдулла Ш.

КАЧАЛ-БАТЫР.

Сказочная повесть о кукольном мальчике Качал-батыре. Благодаря своей смелости и находчивости он выручает людей из беды, помогает старому кукольнику спастись из заточения в темнице. *Перевод с узбекского.*

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

